

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025 • Том 6 • № 2

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

2025 • Vol. 6 • no.2

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Десятилетие
детства
The Decade
of Childhood
2018 - 2027

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ДЕТСТВО

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2025 • Том 6 • №2

SOCIAL SCIENCES AND CHILDHOOD

ELECTRONIC SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

2025 • Vol. 6 • no. 2

Московский государственный психолого-педагогический университет
Moscow State University of Psychology and Education

Главный редактор

Г.В. Семья, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Заместители главного редактора:

В.Н. Ослон, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

И.А. Меркуль, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Председатель редакционного совета:

В.В. Рубцов, ФГБОУ ВО МГППУ, Россия

Члены редакционного совета:

Л.Н. Антонова, Московская областная дума, Россия

О.И. Волжина, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Россия

В.А. Иванников, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

В.Л. Кabanov, ФГБНУ «Институт развития, здоровья и адаптации ребенка», Россия

Т.И. Шульга, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Россия

Редакционная коллегия

И.А. Бобылева, ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», Россия

И.С. Боруалого, Исламский университет Бандунга, Индонезия

Ж.Ю. Брук, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Россия

Х.Х. Варела, Университет развития, Чили

В.О. Волчанская, АНО «Центр содействия детям, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей «Два крыла», Россия

Э.Ш. Гарифулина, Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь», Россия

Б. Долгосурэнгийн, Национальный университет Монголии, Монголия

А.В. Личковаха, Аппарат Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Россия

А.П. Лобанов, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Белоруссия

О.А. Овсяник, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Россия

А.С. Омельченко, Благотворительный фонд «Абсолют-Помощь», Россия

Л.А. Пергаменщик, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Белоруссия

Т.Н. Сапожникова, ГБУ Социальный дом «Лосиноостровский», Россия

П.А. Сергоманов, ПАО «Сбербанк», Россия

Х. Тилиуин, Университет Орана 2 Мохаммед Бен Ахмед, Алжир

А.Е. Тарасова, рабочая группа при Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по реализации Десятилетия детства, Россия

А.Ю. Телицына, ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Россия

А.Ш. Шахманова, ГАОУ ВО МГПУ, Россия

Л.Б. Шнейдер, ФГБОУ ВО МПГУ, Россия

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Издается с 2020 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 77146.

Дата регистрации: 06.11.2019

Формат: сетевое издание SSCHJ.RU

Все права защищены.

Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2025, № 2

Editor-in-Chief:

G.V. Semya, MSUPE, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

V.N. Oslon, MSUPE, Russia

I.A. Merkul, MSUPE, Russia

Chair of the Editorial Council:

V.V. Rubtsov, MSUPE, Russia

The Members of the Editorial Council:

L.N. Antonova, The Moscow Regional Duma, Russia
O.I. Volzhina, The Russian Children in Need Found, Russia

V.A. Ivannikov, Lomonosov Moscow State University, Russia

V.L. Kabanov, Institute of Child Development, Health and Adaptation, Russia

T.I. Shulga, Federal State University of Education, Russia

The Editorial Board

I.A. Bobyleva, Center for the Protection of Children's Rights and Interests, Russia

I.S. Borualogo, Universitas Islam Bandung, Indonesia

Zh.Yu. Bruk, Tyumen State University, Russia

J.J. Varela, University of Development, Chile

V.O. Volchanskaia, Two Wings Family and Children's

Assistance Centre, Russia

E.Sh. Garifulina, "Absolute-Help" Foundation, Russia

B. Dolgorsuren, National University of Mongolia, Mongolia

A.V. Lichkovakha, Office of the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation, Russia

A.P. Lobanov, Institute of Psychology of the Belarusian State Pedagogical University

named after Maxim Tank, Belarus
O.A. Ovsianik, Federal State University of Education, Russia

A.S. Omelchenko, "Absolute-Help" Foundation, Russia

L.A. Pergamentchik, Institute of Psychology of the Belarusian State Pedagogical University

named after Maxim Tank, Belarus
T.N. Sapozhnikova, SBI "Losinoostrovsky" Social House, Russia

P.A. Sergomanov, Sberbank, Russia

H. Tiliouine, The University of Oran 2 Mohamed Ben Ahmed, Algeria

A.E. Tarasova, Working Group of Coordination Council under the Government of the Russian Federation for the Implementation

of the Decade of Childhood, Russia

A.Yu. Telitsyna, HSE University, Russia

A.Sh. Shakhmanova, MSU, Russia

L.B. Schneider, MPGU, Russia

Social Sciences and Childhood

Publisher MSUPE

Frequency: 4 times a year since 2020

The mass medium registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 77146.

From: 06.11.2019

Format: online publication SSCHJ.RU

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all texts and images are the property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

MSUPE, 2025, no. 2

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ НАСЫЩЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

Хан Ю.А. 5

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ДЕТСТВА

Кочетова Ю.А., Климакова М.В., Емельянова Е.А. 27

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. 49

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА КАНДИДАТОВ В ЗАМЕЩАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ

Суюндукова Т.Д. 71

CONTENTS

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY OF EDUCATION

PSYCHOLOGICAL LITERACY OF PARENTS OF PRESCHOOL CHILDREN IN AN
INFORMATION-SATURATED ENVIRONMENT (THE CASE OF KAZAKHSTAN)

Khan J.A. 5

AGE-RELATED PSYCHOLOGY

PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN DIFFERENT PERIODS OF CHILDHOOD

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V., Emelianova E.A. 27

SOCIAL PSYCHOLOGY

PSYCHOPHYSIOLOGICAL FOUNDATIONS OF PARENTING FOR CHILDREN WITHOUT
PARENTAL CARE

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. 49

SPECIFICITY OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CANDIDATES FOR
SUBSTITUTE PARENTS IN VARIOUS FORMS OF FAMILY PLACEMENT OF ORPHANS

Suyundukova T.D. 71

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ |
PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY OF EDUCATION

Научная статья | Original paper

Психологическая грамотность родителей детей дошкольного
возраста в условиях информационной насыщенности
(на примере Казахстана)

Ю.А. Хан¹✉

¹ Корпоративный фонд El Umiti, Астана, Казахстан

✉ leel-han@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Психологическая грамотность родителей детей дошкольного возраста рассматривается как ключевой фактор формирования среды развития ребенка. В условиях реформ дошкольного образования в Казахстане усиливается роль родителей как полноправных участников воспитательного процесса. Образовательная система Казахстана предусматривает обучение на двух языках — русском и казахском, поэтому в исследовании важно учесть языковую принадлежность родителей. **Цель.** Определить уровень психологической грамотности родителей, особенности их взаимодействия с психологической информацией и со специалистами. **Гипотезы.** Трудности родителей в самостоятельной работе с ребенком связаны со степенью удовлетворенности потребности в профессиональной поддержке. Язык родителей влияет на формирование психологической грамотности, выбор информации и ее использование. Тип источников информации влияет на частоту обращаемости родителей к специалистам. Частота общения со специалистами коррелирует с оценкой эффективности применения методик, используемых родителями на дому. **Методы.** В онлайн-опросе приняли участие 457 родителей дошкольников из города Алматы (русскоязычная группа — 266 человек и казахоязычная группа — 191 человек). Использовались описательная статистика и корреляционный анализ. **Результаты.** Казахоязычные респонденты чаще обращаются за психологической информацией и помощью, при этом основной причиной они называют неуверенность. У русскоязычных родителей при наличии трудностей обращение к специалистам не выражено ($p > 0,05$). Связи между источниками информации и потребностью в поддержке не выявлено. Оценка эффективности психологических методик, используемых родителями на дому, не связана с частотой общения со специалистами. **Выводы.** Результаты указывают на институциональный разрыв: родители действуют изолированно, предпочитая самостоятельный поиск информации, при этом испытывая

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

затруднения в интерпретации и применении знаний. Необходима инфраструктура сопровождения, ориентированная на культурно релевантную, профессиональную и доступную помощь.

Ключевые слова: психологическая грамотность, дошкольное развитие, родительство, Казахстан, институциональная поддержка, информационная насыщенность

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке казахстанского Корпоративного Фонда El Umiti в рамках проекта службы Qabilet по психологической поддержке родителей.

Благодарности. Автор выражает благодарность директорам двух государственных дошкольных организаций города Алматы за содействие в организации и проведении опроса.

Дополнительные данные. Наборы данных недоступны и принадлежат корпоративному фонду El Umiti. Данные использованы с разрешения руководства фонда.

Для цитирования: Хан, Ю.А. (2025). Психологическая грамотность родителей детей дошкольного возраста в условиях информационной насыщенности (на примере Казахстана). *Социальные науки и детство*, 6(2), 5—26. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060201>

Psychological literacy of parents of preschool children in an information-saturated environment (the case of Kazakhstan)

J.A. Khan¹✉

¹ El Umiti Corporate Foundation, Astana, Kazakhstan

✉ leel-han@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Parental psychological literacy is increasingly recognized as a key factor in shaping children's developmental environments. In the context of early childhood education reform in Kazakhstan, parents' roles are evolving from passive observers to active participants in the educational process. Given that the Kazakhstani educational system provides instruction in both Russian and Kazakh, it is essential for the study to consider the linguistic affiliation of parents. **Objective.** This study aims to assess the level of psychological literacy among parents of preschool children, as well as their information-seeking behavior and interaction with specialists. **Hypotheses.** The difficulties of parents in working independently with a child are related to the degree of satisfaction of the need for professional support. The language of parents influences the formation of psychological literacy, the choice of information and its use. The type of information sources affects the frequency of parents' visits to specialists. The frequency of communication with specialists correlates with the assessment of the effectiveness of the methods used by parents at home. **Methods.** An online survey was conducted among 457 parents of preschool-aged children from Almaty, Kazakhstan (266 Russian-speaking group and 191 Kazakh-speaking group). Descriptive statistics and Pearson correlation analysis were used. **Results.** Kazakh-

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

speaking parents report higher psychological information consumption and a stronger tendency to seek help, particularly in emotionally uncertain situations. Russian-speaking parents showed little correlation between difficulties and professional outreach. No significant relationship was found between information source types and need for support. Perceived method effectiveness was not associated with frequency of interaction with specialists. **Conclusions.** Findings indicate an institutional gap: despite high information availability, parents act in isolation even when they struggle to apply knowledge in practice. There is a need for a culturally relevant, structured support system to help parents interpret and implement developmental guidance.

Keywords: psychological literacy, early childhood, parenting, Kazakhstan, institutional support, informational saturation

Funding. This study was carried out with financial support from the Kazakhstan Corporate Foundation El Umiti as part of the project on psychological support for parents within the Qabilet service.

Acknowledgements. The author extends sincere thanks to the directors of two public preschool institutions in Almaty for their support in organizing and conducting the survey.

Supplemental data. The datasets used in this study are not publicly available and are the property of the Kazakhstan Corporate Foundation El Umiti.

For citation: Khan, J.A. (2025). Psychological literacy of parents of preschool children in an information-saturated environment (the case of Kazakhstan). *Social Sciences and Childhood*, 6(2), 5—26. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060201>

Введение

Исследования в области воспитания дошкольников демонстрируют важность психологической грамотности родителей как ключевого фактора в создании благоприятной развивающей среды для ребенка (Авдеева и др., 2021). В условиях трансформации образовательной политики Казахстана родитель становится не просто наблюдателем, а полноправным участником воспитательного процесса. В обновленной «Модели развития дошкольного воспитания и обучения» подчеркивается важность активного партнерства между семьей и системой дошкольного образования. Однако само партнерство не предполагает априорного наличия у родителей базовых знаний в области возрастной психологии, педагогики и эмоционального благополучия ребенка. Поэтому представляется целесообразным предварительно изучить уровень этих знаний, чтобы иметь более точное представление о возможностях и потребностях партнеров (постановление Правительства Республики Казахстан № 137, 2021)¹.

Эмпирические исследования (Parenting knowledge..., 2016) показывают, что значительная часть родителей не обладает достаточным уровнем педагогической культуры, что проявляется в отсутствии понимания возрастных потребностей детей, знаний об эффективных методах

¹ Об утверждении модели развития дошкольного воспитания и обучения: Постановление Правительства Республики Казахстан от 15 марта 2021 года № 137 (2021). Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000137> (дата обращения: 20.05.2025).

семейного воспитания. Это приводит к неуверенности родителей в собственной воспитательной позиции, а в некоторых случаях — к перекладыванию ответственности за развитие ребенка исключительно на образовательные учреждения (Пастернак, 2011). По мнению отечественных и зарубежных исследователей (Марголис, 2021; Асаинова и др., 2025), проблема не сводится к недостатку информации как таковому, а обусловлена ее фрагментарным и поверхностным потреблением, особенно в области медицинской и научной информации, и низким уровнем критического восприятия.

Интересно, что на фоне бурного развития цифровых технологий и появления множества онлайн-ресурсов, мобильных приложений, YouTube-каналов и блогов, посвященных вопросам воспитания, у родителей нередко складывается иллюзия избыточного доступа к знаниям. Современное общество переживает радикальную трансформацию, связанную с цифровизацией и ростом информационной насыщенности, что особенно остро отражается на родителях, стремящихся ориентироваться в психологически значимом контенте. Обзор (Arnold, Goldschmitt, Rigotti, 2023) показывает, что избыток информации, особенно в онлайн-среде, приводит к когнитивной перегрузке, снижению критического мышления, тревожности и эмоциональному выгоранию. Для родителей это оборачивается «параличом решений» при выборе подходов к воспитанию и недоверием к профессиональной информации на фоне доминирования поверхностного и противоречивого контента. Информационная перегрузка подрывает не только уверенность родителей в себе, но и качество их психологической осведомленности, что требует осмысленного подхода государства к просвещению и поддержке родителей.

Кроме того, язык, на котором воспитывается ребенок и на котором родители потребляют информацию (русский или казахский), выступает не только средством коммуникации, но и важным медиатором доступа к информации и формирующим фактором родительской вовлеченности. Исследования показывают, что семейная языковая политика и медиапрактики напрямую влияют на образовательные стратегии, выбор источников информации и уровень доверия к экспертному контенту (Kambatyrova, 2022; Tlepbergen, Akzhigitova, Zabrodskaia, 2022; Tlepbergen, Akzhigitova, Zabrodskaia, 2023). В контексте Казахстана языковой выбор часто отражает различия в доступе к психологической информации, практиках взаимодействия с образовательными учреждениями и уровне цифровой вовлеченности родителей. В связи с этим одной из ключевых задач становится создание условий для устойчивого взаимодействия между семьями и специалистами, обеспечивающего равноправный доступ к профессиональной, культурно релевантной и научно обоснованной психологической поддержке.

Подобную позицию подтверждают как международные, так и локальные инициативы, в частности программы ЮНИСЕФ в Казахстане, ориентированные на обучение родителей основам раннего детского развития. Аналитические материалы подчеркивают, что даже при наличии широкого информационного поля родители по-прежнему нуждаются в структурированной поддержке со стороны детских садов, психологов и государственных служб. Такая поддержка необходима для интерпретации полученных знаний и их эффективного применения в повседневной практике воспитания (Современные модели..., 2013). Важно также учитывать повседневные практики семейного воспитания, обращать внимание на те области, в которых родители продолжают испытывать затруднения, несмотря на кажущуюся насыщенность информационной среды. При анализе ситуации необходимо

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

учитывать, имеют ли все категории родителей равный доступ к ресурсам, и то, какую роль в навигации по этому информационному полю играют воспитатели и специалисты дошкольных организаций. На круглом столе журнала «Психологическая наука и образование» на тему «Функциональная психологическая грамотность родителей и педагогов как условие построения эффективного общения с ребенком» Е.И. Захарова подчеркнула², что сегодня практически отсутствует специально организованная подготовка родителей к такой важной деятельности, как общение с детьми. Взрослые осваивают ее спонтанно, опираясь на опыт собственной родительской семьи, который далеко не всегда оказывается наиболее эффективным способом воспитания.

Психологическая грамотность родителей приобретает особую важность на этапе дошкольного возраста ребенка (Истратова, 2017; Иванова и др., 2025). Согласно исследованию Эриксона, именно в период от 3 до 6 лет формируются базовое доверие к миру, фундамент личностной коммуникации, эмоциональная выразительность и навыки построения социальных связей (например, см. Erikson, 1963). В этом возрасте дети интенсивно потребляют психологически значимую информацию через наблюдение за родителями, собственный опыт взаимодействия и эмоциональную связь (Винникот, 2023). Именно в дошкольный период уровень восприятия и усвоения эмоциональных и социальных моделей особенно высок. Так, Г.А. Цукерман в своей работе подчеркивает, что в дошкольном возрасте очень важно ролевое взаимодействие и построение доверительных отношений между ребенком и взрослым (Цукерман, 2000). В этой связи психологическая грамотность родителей, их способность осознавать и поддерживать эмоциональное развитие ребенка дошкольного возраста становится критически важной: от нее во многом зависит, насколько ребенок будет способен в будущем регулировать свои эмоции, строить доверительные отношения и справляться со стрессом (Widyawati et al., 2021).

В статье рассматривается уровень психологической грамотности родителей дошкольников и аргументируется необходимость ее поддержки на институциональном уровне через практики сопровождения и системную работу с родителями.

Психологическая грамотность

В российской научной литературе термин «*психологическая грамотность*», понимаемый как определенный уровень осведомленности в области психологических знаний и умение их применять в сложных условиях современной жизни, нередко рассматривается в связке с такими понятиями, как «*психологическая компетентность*» и «*психологическая культура*» родителей. Все три категории подразумевают не только наличие когнитивного компонента — знаний, но и их личностную интеграцию, основанную на собственном опыте и устойчиво реализуемую в повседневной практике воспитания.

Так, О.В. Суворова (Суворова, Пец, 2014) определяет родительскую компетентность как грамотность в вопросах образования, развития и воспитания ребенка. Она подчеркивает, что в отечественной литературе основным содержанием этой компетентности выступает формирование социальных навыков, однако отмечает необходимость различать

² Портал психологических изданий PsyJournals.ru (2023, Апрель 25). Елена ЗАХАРОВА: Психологическая грамотность родителей — в поисках источников [Видео]. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vs8JbKBP1JM> (дата обращения: 30.06.2025).

педагогическую и психологическую составляющие. Психологическая компетентность, по ее мнению, включает базовые знания в области возрастной психологии, психологии общения, а также способность к эффективному решению воспитательных задач через понимание процессов развития и взаимодействия. Педагогическая компетентность, напротив, остается менее теоретически разработанной, зачастую сводясь к представлению о том, что обучение ребенка происходит преимущественно через подражание, повседневное взаимодействие с родителями и совместную рефлексию.

В аналогичном ключе И.Б. Умняшова и соавторы (Умняшова, Новикова, 2017) рассматривают психолого-педагогическую компетентность как сформированное умение взаимодействовать с другими людьми, необходимое для успешного функционирования индивида в обществе. О.Г. Барина (Барина, 2020) дополняет это определение, акцентируя внимание на структурных компонентах поведенческой грамотности в различных семейных ситуациях. Она подчеркивает, что компетентность родителей включает не только знание возрастной, семейной психологии и педагогики, но и способность адаптивно применять эти знания в воспитательных практиках.

Термин «*психологическая культура родителей*» употребляется в педагогической литературе для обозначения более широкого социального уровня сформированности компетенций, выходящих за рамки исключительно семейного воспитания. В частности, это понятие охватывает семейно-институциональное взаимодействие, включая сотрудничество родителей и школы, которое рассматривается как неотъемлемый компонент воспитательного процесса (Дубровина, 2014). Ю.А. Федорова и соавторы (Федорова, Хахлова, 2017) отмечают, что на современном этапе развития психологической науки психолого-педагогическая грамотность родителей все чаще сводится к обобщенному феномену *родительской осознанности*. Эта категория охватывает осознание семейных ценностей, установок, позиций, чувств, форм отношения и способов понимания поведения ребенка, а также направлена на создание полноценной среды для его развития. Родительская осознанность предполагает постоянную саморефлексию, выбор подходов и методов воспитания, активный поиск информации, стремление к саморазвитию и реализации себя в родительской роли. Таким образом, под психологической грамотностью родителей понимается не только знание возрастных особенностей ребенка, но и способность критически осмысливать и применять эти знания на практике.

В современную эпоху информационной насыщенности это понятие приобретает особую актуальность. Родители получают советы из множества каналов: блогов, соцсетей, видео и профессиональной литературы. Как показывают исследования по медиаграмотности, избыточный информационный поток затрудняет осознанную фильтрацию содержания и превращает процесс в поверхностное потребление. В.Дж. Райдаут (Rideout et al., 2010) отмечает, что родители при многозадачности склонны использовать цифровые советы фрагментарно и лишь отчасти интегрировать их в воспитание. Н. Карр (Carr, 2010) предупреждает о том, что цифровая среда формирует привычку к быстрому просмотру и поверхностному мышлению, что снижает способность к глубокому погружению в тему. В условиях, когда воспитание требует эмоциональной выдержки, чуткости и рефлексии, такое потребление информации становится недостаточным. Сегодня *психологическая грамотность родителей* — это умение осмысленно применять знания о развитии ребенка в условиях информационной перегрузки. Она включает не только понимание возрастных особенностей и

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

методов воспитания, но и способность критически отбирать информацию, адаптировать ее и при необходимости обращаться за профессиональной поддержкой. В частности, в условиях расширяющейся социальной среды ребенка дошкольного возраста, включая детский сад, кружки, секции, возрастает значимость согласованности воспитательных стратегий между семьей и образовательными учреждениями. Отсюда следует необходимость выстраивания партнерских отношений с педагогами и психологами, что может способствовать созданию благоприятных условий для гармоничного развития личности ребенка.

Материалы и методы

С целью определения уровня психологической грамотности родителей дошкольников и особенностей их информационного поведения и взаимодействия со специалистами была разработана анкета, вопросы которой были направлены на решение следующих исследовательских задач:

- выяснить уровень психологической грамотности родителей детей младшего дошкольного возраста, а также их готовность заниматься с детьми дома;
- исследовать, из каких источников, как часто и какую именно психологическую информацию потребляют родители младших дошкольников;
- определить степень интегрированности родителей в системное взаимодействие с педагогами и воспитателями по вопросам психологического развития ребенка;
- понять трудности, с которыми сталкиваются родители на практике, и какую психологическую поддержку потенциально могут оказывать воспитатели;
- сравнить уровни психологической грамотности и информационных практик между русскоязычными и казахоязычными родителями.

Сравнение русскоязычной и казахоязычной выборок было вызвано необходимостью учета влияния языка на формирование психологической грамотности родителей, выявление различий в подходах к поиску и использованию информации, разработке мер поддержки для разных групп населения.

Содержание анкеты и логика построения отдельных вопросов были направлены на выявление взаимосвязей между доступом к информации, частотой взаимодействия со специалистами и практическими трудностями в родительстве, что позволяет эмпирически исследовать факторы, влияющие на запрос на профессиональную поддержку.

Форма и время проведения анкетирования

Опрос проводился в сентябре-октябре 2024 года дистанционно в онлайн-форме с использованием сервиса Google Forms. Для респондентов анкета была составлена на двух языках.

Генеральная совокупность и выборка

Согласно сведениям Управления образования города Алматы, на момент проведения исследования в городе функционировали 910 дошкольных организаций, охватывающих 77261 ребенка. Из них 193 являются государственными учреждениями, обслуживающими 39214 детей.

Для получения репрезентативных данных от родителей детей, посещающих государственные дошкольные учреждения, была рассчитана минимальная выборка в 380

респондентов (рис. 1), что обеспечивает допустимый уровень статистической значимости и позволяет экстраполировать результаты на всю популяцию родителей детей, посещающих государственные детские сады Алматы.

$$n = \frac{1.96^2 \cdot 0.5 \cdot (1 - 0.5)}{0.05^2} = \frac{3.8416 \cdot 0.25}{0.0025} = 384.16$$

$$n_{\text{корр}} = \frac{n}{1 + \frac{n-1}{N}}$$

$$n_{\text{корр}} = \frac{384}{1 + \frac{384-1}{39,214}} = \frac{384}{1 + \frac{383}{39,214}} = \frac{384}{1.0098} \approx 380$$

Рис. 1. Формула расчета выборки

Fig. 1. Sample calculation formula

Целевая группа и процедура сбора данных

В качестве сэмпл-фрейма были отобраны родители детей дошкольного возраста (3—6 лет), посещающих две случайным образом выбранные государственные дошкольные образовательные организации, в которых функционируют казахоязычные и русскоязычные группы. Проведена предварительная договоренность с выбранными учреждениями, после чего осуществлялась рассылка анкет на двух языках родителям через заведующих. От респондентов были получены согласия на участие в исследовании и обработку персональных данных. Анкетирование сопровождалось инструкциями по заполнению и пояснениями на каждом этапе апробации. В исследовании приняли участие всего 457 родителей: русскоязычная группа — 266 человек; казахоязычная группа — 191 человек.

Данный объем выборки превышает минимально необходимое количество респондентов, что усиливает надежность и обоснованность полученных выводов.

Ограничения выборки

1. В исследовании участвовали только государственные дошкольные учреждения города Алматы, что ограничивает возможность обобщения полученных данных на частные детские сады или другие регионы Казахстана.
2. Участниками опроса стали только те родители, которые выразили согласие и заполнили анкету, что может отражать мнение более активной и вовлеченной части родительского сообщества. Это может исключать взгляды менее вовлеченных родителей, не принимавших участие в опросе.
3. Опрос проводился в онлайн-формате, что предполагает наличие у родителей доступа к интернету. Это ограничение может повлиять на выборку, так как родители, не имеющие доступа к интернету или не использующие цифровые технологии, не могли участвовать в исследовании.

Гипотезы и логика операционализации

1. Трудности в самостоятельной работе родителей и потребность в поддержке специалистов

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

H₁: Наличие трудностей статистически связано с выраженной потребностью в поддержке специалистов.

H₀: Нет статистически значимой связи между наличием трудности и потребностью в поддержке специалистов.

Гипотеза проверяется через связку вопросов:

- *Если Вы занимаетесь с ребенком самостоятельно, что для Вас является самым трудным?*
- *Испытываете ли Вы потребность в поддержке специалистов?*

2. Источники информации и потребность в поддержке специалистов

H₁: Родители, ориентирующиеся преимущественно на социальные сети как источник информации о воспитании, чаще заявляют о необходимости профессиональной поддержки.

H₀: Тип используемых источников информации не связан с уровнем потребности в поддержке.

Проверяется через вопросы:

- *К каким источникам Вы обычно обращаетесь за информацией?*
- *Испытываете ли Вы потребность в поддержке специалистов?*

Это позволяет оценить возможную связь между фрагментированным или поверхностным потреблением информации и ростом ощущения неуверенности.

3. Частота общения со специалистами и оценка эффективности применяемых знаний

H₁: Более частое взаимодействие родителей со специалистами (психологами, воспитателями) связано с более высокой оценкой эффективности методик, используемых в работе с ребенком.

H₀: Между частотой общения со специалистами и оценкой эффективности методик нет статистически значимой связи.

Проверяется через вопросы:

- *Как часто Вы общаетесь с психологами и воспитателями?*
- *Как Вы оцениваете эффективность материалов, которые используете?*

Таким образом, общие вопросы анкеты послужили инструментом сбора мнений родителей, а специальные вопросы были использованы в качестве эмпирического инструмента, позволяющего исследовать, каким образом информационная насыщенность и психологическая грамотность родителей соотносятся между собой.

Обработка данных и кодирование проводились в RStudio. Были рассчитаны процентные распределения ответов респондентов по ключевым категориям: частота обращения к материалам о психологическом развитии детей, предпочтительные источники информации, оценка их эффективности, потребность в поддержке специалистов, а также характер взаимодействия с педагогами и психологами дошкольных учреждений, что позволило выявить основные информационные паттерны среди родителей, а также основные трудности в применении потребляемой информации.

На основе полученных описательных данных был проведен корреляционный анализ с целью выявления статистически значимых взаимосвязей между переменными. Ответы на определенные вопросы анкеты были отобраны для проверки корреляционных связей.

Теоретическую основу для интерпретации полученных взаимосвязей составили положения, согласно которым психологическая грамотность родителей рассматривается как способность осознанно интерпретировать, применять и критически оценивать информацию, относящуюся к развитию и воспитанию ребенка (Jorm, 2012). Дополнительно были учтены исследования, посвященные феномену информационной насыщенности в условиях цифровой трансформации общества, в частности ее влиянию на принятие решений, уровень доверия к информационным источникам и субъективное ощущение родительской компетентности (Arnold, Goldschmitt, Rigotti, 2023).

Результаты

В тексте статьи представлена визуализация наиболее значимых результатов, представленных в процентном соотношении. Большинство родителей, активно вовлеченных в процесс воспитания и развития детей, — это работающие матери в возрасте 30—40 лет. В обеих языковых группах ³ видеоконтент является самым популярным источником информации. Социальные сети стоят на втором месте у обеих групп, с небольшим перевесом у русскоязычных родителей. У русскоязычных родителей также наблюдается больше обращений к другим источникам (например, неформальным каналам). Статьи и книги популярнее у казахоязычных родителей. Консультации со специалистами отмечены только русскоязычными респондентами (3,17%) (рис. 2).

Рис. 2. Источники психологической информации родителей (%)
Fig. 2. Sources of psychological information among parents (%)

³ В Казахстане обучение в детских садах предоставляется на русском и казахском языках по выбору родителей.

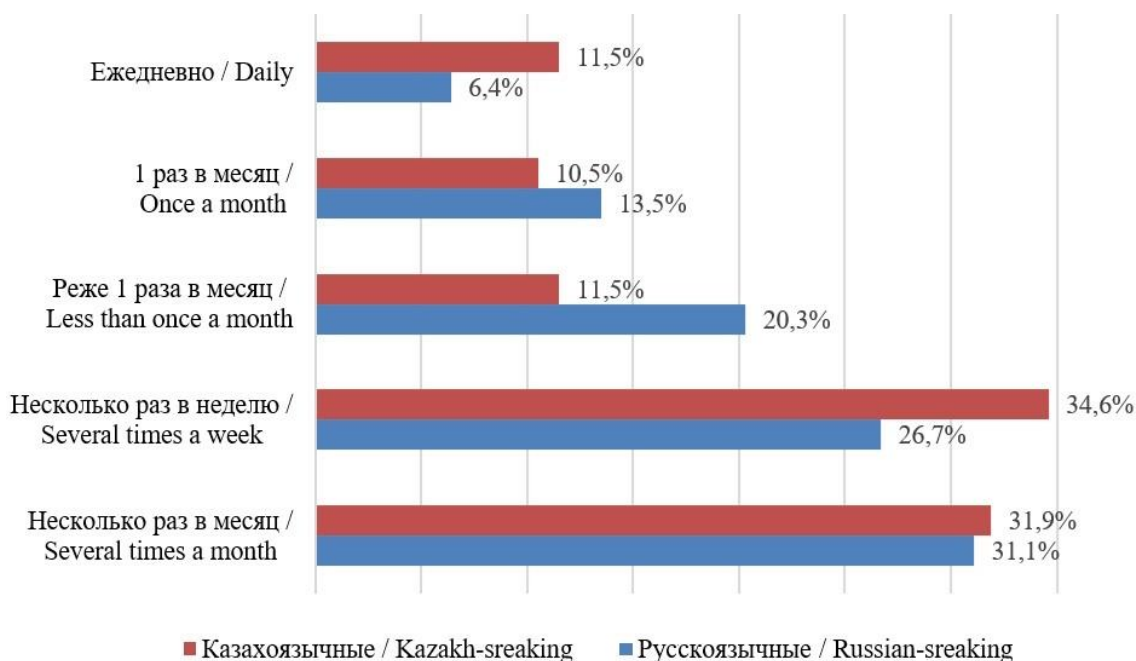

Рис. 3. Частота потребления психологического контента родителями (%)
Fig. 3. Frequency of psychological content consumption among parents (%)

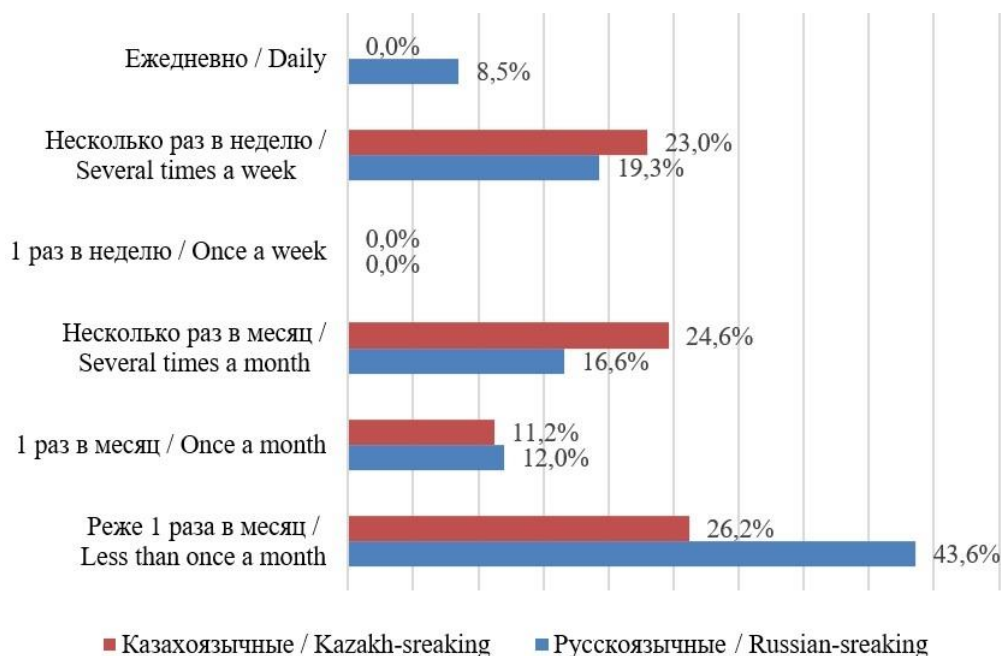

Рис. 4. Частота общения родителей с педагогами и воспитателями
по вопросам развития и обучения (%)
Fig. 4. Frequency of parents' communication with teachers and educators
regarding child development and education (%)

Обе языковые группы показали высокую заинтересованность родителей в психологической информации и регулярное ее потребление. При этом казахоязычная группа демонстрирует более активное использование материалов о психологическом развитии детей, особенно по частоте использования (несколько раз в неделю и ежедневно) (рис. 3).

Наибольшее потребление материалов о развитии детей наблюдается в возрастных категориях 2—3 и 3—4 года. Однако в обеих группах снижается интерес к подобным материалам в возрасте 4—5 лет, что может свидетельствовать о переходе к этапу социализации и подготовки к школе. По степени интеграции в совместный воспитательный процесс в русскоязычной группе наблюдается значительно более низкий уровень взаимодействия с воспитателями — 43,6% родителей общаются с педагогами реже одного раза в месяц. В казахоязычной группе 26,2% родителей сообщают о редком общении, однако большее количество (23%) взаимодействует с воспитателями несколько раз в неделю (рис. 4).

Также наблюдается разница в потребности родителей в психологической поддержке: 63,1% русскоязычных родителей *не чувствуют* необходимости в помощи специалистов, в то время как 86,8% казахоязычных родителей испытывают такую потребность (рис. 5).

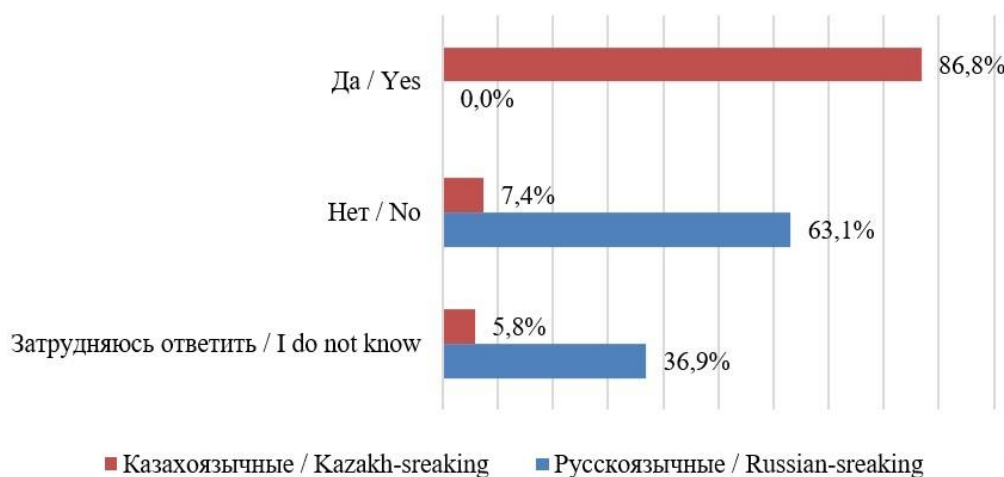

Рис. 5. Необходимость в консультации и психологической поддержке специалистов по воспитанию и развитию (%)

Fig. 5. Need for consultation and psychological support from child development and parenting specialists (%)

Несмотря на потенциальную необходимость поддержки, большинство родителей в обеих группах активно занимаются развитием детей дома без привлечения специалистов (в среднем 77%). В русскоязычной группе 91,7% родителей проводят занятия самостоятельно, в казахоязычной — 87,3% (рис. 6).

В вопросе применения психологической информации на практике обе группы сталкиваются с проблемами управления временем и нехваткой знаний в области психологии развития. Казахоязычные родители выражают большую потребность в знаниях, а также валидации своих действий (7,0% против 0,8% в русскоязычной группе). Русскоязычные родители чаще отмечают трудности с тайм-менеджментом (54,4% против 40,3% в казахоязычной группе)

(рис. 7). И в вопросе желаемых улучшений во взаимодействии с детьми 52,3% русскоязычных родителей хотели бы больше времени уделять развивающим занятиям с детьми, подчеркивая важность временных ресурсов. В то время как в казахоязычной группе 28,3% родителей также стремятся больше заниматься с детьми, 35,8% выражают желание улучшить взаимодействие с ними.

Рис. 6. Форматы занятий по развитию и психологическое воспитание детей дома (%)
Fig. 6. Formats of home-based activities for child development and psychological upbringing (%)

Рис. 7. Трудности, возникающие у родителей в применении психологических знаний
во взаимодействии с детьми
Fig. 7. Difficulties parents face in applying psychological knowledge
in interaction with their children

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

Данные нашего исследования показывают, что родители проявляют высокую заинтересованность и активно стремятся применять полученные знания из различных источников на практике. Однако на этом пути они сталкиваются с рядом препятствий, среди которых основными являются нехватка времени и недостаточность знаний. Некоторые родители также выражают неуверенность в собственной компетентности.

Мы предполагаем, что потребность родителей и их стремление к более активному использованию психологических знаний в процессе развития и взаимодействия с детьми являются важными аспектами психологической грамотности.

Вместе с тем наши результаты указывают на очевидную необходимость дополнительной поддержки родителей. Для обоснования необходимости системного участия педагогов, воспитателей и психологов в процессе сопровождения семей мы анализируем взаимосвязи между переменными. В частности, мы проверяем, насколько выраженные трудности родителей в применении знаний коррелируют с их заявленной потребностью в поддержке и профессиональной помощи специалистов.

Для корреляционного анализа бинарных признаков и порядковой переменной был использован коэффициент Пирсона (r). Оценка статистической значимости выполнялась через p -значение (табл. 1—3).

Таблица 1 / Table 1

**Взаимосвязь между трудностями в самостоятельной работе
и потребностью в поддержке специалистов
Relationship between difficulties in independent work
and the need for support from specialists**

Языковая группа / Language group	Тип трудности / Type of difficulty	r (корреляция) / r (correlation)	P-значение / P-value
Русская / Russian	Другое (особые случаи) / Other	–0,012	0,8640
Русская / Russian	Методики (что и как делать) / Methodology	0,040	0,5632
Русская / Russian	Психология (мотивация, эмоции) / Psychology (motivation, emotions)	0,120	0,1143
Русская / Russian	Тайм-менеджмент (нехватка времени) / Time management	–0,024	0,7224
Русская / Russian	Неуверенность и тревога (нужна валидация) / Uncertainty and anxiety (need for validation)	0,032	0,6431
Казахская / Kazakh	Другое (особые случаи) / Other	–0,133	0,0714
Казахская / Kazakh	Методики (что и как делать) / Methodology	0,026	0,7754

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

Казахская / Kazakh	Психология (мотивация, эмоции) / Psychology (motivation, emotions)	0,150	0,1358
Казахская / Kazakh	Тайм-менеджмент (нехватка времени) / Time management	–0,092	0,3533
Казахская / Kazakh	Неуверенность и тревога (нужна валидация) / Uncertainty and anxiety (need for validation)	0,19	0,0484*

В русскоязычной группе ни одна из трудностей не показала статистически значимой корреляции с потребностью в специалистах. В казахоязычной группе трудность в самостоятельной работе с детьми «Неуверенность и тревога (нужна валидация)» продемонстрировала слабую, но статистически значимую положительную связь с потребностью в специалистах. Обращение к специалистам у казахоязычных родителей скорее связано с неуверенностью, нежели с нехваткой знаний. У русскоязычной группы вне зависимости от трудностей нет заявленной потребности обращаться к специалистам (табл. 1).

Таблица 2 / Table 2

**Взаимосвязь между источниками потребления психологической информации
и потребностью в поддержке специалистов**
**Relationship between sources of psychological information
and the need for support from specialists**

Языковая группа / Language group	Источник информации / Source of information	r (корреляция) / r (correlation)	P-значение / P-value
Русская / Russian	Видео (YouTube, вебинары, онлайн-курсы) / Videos (YouTube, webinars, online courses)	–0,142	0,0210*
Русская / Russian	Аудио (подкасты, аудиокниги) / Audio content (podcasts, audiobooks)	0,069	0,2690
Русская / Russian	Социальные сети / Social media	0,079	0,2044
Русская / Russian	Консультации специалистов / Consultations with professionals	–0,081	0,1924
Русская / Russian	Другие источники / Other sources	–0,044	0,4807
Казахская / Kazakh	Видео (YouTube, вебинары, онлайн-курсы) / Videos (YouTube, webinars, online courses)	0,044	0,5458
Казахская / Kazakh	Аудио (подкасты, аудиокниги) / Audio content (podcasts, audiobooks)	0,087	0,2321
Казахская / Kazakh	Социальные сети / Social media	0,055	0,4496

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

Казахская / Kazakh	Консультации специалистов / Consultations with professionals	–0,059	0,4179
Казахская / Kazakh	Другие источники / Other sources	–0,140	0,0550

В русскоязычной группе единственный источник, показавший слабую, но статистически значимую отрицательную связь с потребностью, — это видеоконтент ($r = -0,142$, $p = 0,021$). Это может указывать на то, что видео воспринимается как более структурированный и насыщенный источник, частично компенсирующий потребность в специалистах. В обеих группах использование других источников не демонстрирует статистически значимой связи с потребностью в поддержке. То есть нулевая гипотеза подтвердилась, тип источников информации не связан с уровнем потребности в поддержке специалистов (табл. 2).

Таблица 3 / Table 3

**Взаимосвязь между частотой общения со специалистами
и оценкой эффективности применяемых психологических знаний**
**Relationship between frequency of interaction with specialists
and perceived effectiveness of applied psychological knowledge**

Языковая группа / Language group	r (корреляция) / r (correlation)	P-значение / P-value
Русская / Russian	0,090	0,1522
Казахская / Kazakh	0,127	0,0321**

Примечание: ** $p < 0,05$ — статистически значимые различия.

Note: ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$ — statistically significant differences.

В русскоязычной группе связь между частотой общения и ощущением эффективности слабо положительная, но не является статистически значимой ($p > 0,05$).

В казахоязычной группе наблюдается умеренная положительная и статистически значимая корреляция ($r = 0,127$, $p < 0,05$). Это может говорить о том, что регулярное взаимодействие со специалистами повышает субъективную оценку полезности методик (табл. 3).

В целом, результаты анализа данных не предполагают дальнейшего углубления в межгрупповые сравнения: в большинстве случаев корреляционные связи в обеих группах отсутствуют или крайне слабы. Это указывает на *общность трендов* и отсутствие устойчиво дифференцирующего эффекта языковой принадлежности.

С этической точки зрения исследование не нарушает принципов уважения к культурной и этнической идентичности респондентов: выборка не была изначально сформирована на основе этнического различия, и анализ не преследует цели противопоставить группы. Языковая стратификация использована исключительно в описательных целях и не влечет за собой интерпретаций, могущих стигматизировать ту или иную группу. Соответственно, проведение формализованной статистической проверки различий между группами не является ни научно необходимым, ни этически оправданным в рамках текущего исследования.

Обсуждение

Несмотря на высокие показатели психологической грамотности родителей, выражающиеся в самостоятельном потреблении и применении информации о развитии детей, в исследовании выявлены значимые различия между языковыми группами. Родители казахоязычной группы чаще используют психологические материалы (в частности, с частотой «ежедневно» и «несколько раз в неделю») и демонстрируют большую включенность во взаимодействие с педагогами. Разница также заметна в субъективной потребности в поддержке: если 63,1% русскоязычных родителей не чувствуют необходимости в помощи специалистов, то в казахоязычной группе 86,8% выражают такую потребность.

Анализ показал, что наличие указанных трудностей при самостоятельной работе с ребенком не связано с обращением за поддержкой. Родители, столкнувшиеся с трудностями (например, нехваткой времени или методическими затруднениями), не демонстрируют повышенную потребность в профессиональной помощи. Однако в казахоязычной группе выявлено умеренно значимое отличие: при трудности, связанной с неуверенностью и необходимостью валидации своих решений, родители действительно чаще обращаются к специалистам. Это может свидетельствовать о более высокой норме экспертного обращения.

Связи между использованием различных источников информации (видео, соцсети, статьи, консультации) и потребностью в профессиональной поддержке не выявлено. Это подтверждает наличие институционального вакуума: родители ищут информацию, но не воспринимают взаимодействие со специалистами как логическое продолжение этого процесса. Даже при активном самостоятельном обучении через видео или социальные сети запрос на поддержку не формируется, что может свидетельствовать об отсутствии системы сопровождения, привычки совместного анализа или доверия к профессиональной помощи.

Оценка эффективности методик, используемых родителями, в обеих группах в целом не связана с частотой общения со специалистами. Родители, считающие методики неэффективными, не стремятся чаще обращаться к педагогам, вероятнее всего, они продолжают искать информацию самостоятельно. Это может говорить о снижении доверия к профессионалам, отсутствии устойчивых форматов консультирования и иллюзии доступности качественных знаний без необходимости в сопровождении и рефлексии. В совокупности это указывает на разрыв между самостоятельным информационным поведением и институциональной поддержкой, а также на отсутствие инфраструктуры обсуждения психологических подходов в родительской среде. Таким образом, даже при высокой информационной насыщенности психологическая грамотность родителей в Казахстане остается индивидуализированной и неструктурированной, а взаимодействие с педагогами и психологами — эпизодическим и реактивным.

Заключение

Образовательная система Казахстана предусматривает обучение на двух языках — русском и казахском. Использование сопоставительной выборки дало возможность выявить тенденции и подходы к использованию информации родителями, а также различные ожидания от профессиональных услуг и уровень вовлеченности в образовательный процесс. Показано, что язык выступает медиатором доступа к психологической информации, оказывает влияние на

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

практику взаимодействия с образовательными организациями. Существуют различия в русскоязычной и казахоязычной группах в выборе и использовании информационных ресурсов. Например, русскоязычные родители чаще полагаются на видеоматериалы и социальные сети, тогда как казахоязычные отдают предпочтение статьям и книгам.

Анализ данных выявил значимые различия в подходах к воспитанию и получению психологических знаний между русскоязычными и казахоязычными родителями. Так, казахоязычные родители чаще запрашивают поддержку специалистов, тогда как русскоязычные предпочитают действовать самостоятельно, поскольку придерживаются мнения, что ребенок должен развиваться самостоятельно. Это может отражать более высокий уровень индивидуализма и ориентацию на независимые методы воспитания. В противоположность этому казахоязычные родители показывают большую вовлеченность в совместную работу с педагогами, что можно потенциально связать с более выраженным доверием профессиональному сообществу.

Кроме того, различия могут быть обусловлены неравным доступом к информации: казахоязычные респонденты, вероятно, чаще сталкиваются с ее дефицитом и потому ощущают большую потребность в поддержке специалистов. При этом обе группы сообщают о трудностях с тайм-менеджментом, однако русскоязычные родители чаще указывают на нехватку времени как на препятствие к применению полученных знаний. Выявлены различия в предпочитаемых каналах получения информации. В целом, оба сегмента родителей демонстрируют высокую вовлеченность в поиск информации и стремление использовать приобретенные знания на практике.

Несмотря на широкий спектр трудностей, с которыми сталкиваются родители при самостоятельных развивающих занятиях с ребенком: нехватку времени, неуверенность в выборе методик, отсутствие психологических знаний и сомнения в правильности собственных действий, большинство из них продолжают прикладывать усилия для применения полученных знаний на практике. Они стараются организовать развивающие занятия дома, обращаются к различным источникам информации и при этом нередко оценивают эффективность используемых подходов как умеренно высокую. Это может указывать на важный психологический механизм — иллюзию достаточности, когда наличие доступа к информации и ее потребление создают ощущение контроля и компетентности, даже в условиях реального дефицита времени, профессионального сопровождения или уверенности в результатах.

Родители, по сути, берут на себя функции специалистов, действуя интуитивно, фрагментарно и в условиях эмоциональной и информационной перегрузки. Получая доступ к разнообразной информации, но не имея устойчивой поддержки и профессионального сопровождения, они оказываются в ситуации одиночного поиска решений, не всегда обладая необходимыми знаниями и инструментами. Это подчеркивает необходимость формирования единой психологической культуры, которая бы объединяла усилия учебных заведений, специалистов-психологов, родителей и самих детей. Такая культура должна быть основана на общих принципах эмоциональной безопасности, взаимного уважения и научной обоснованности, создавая понятную и поддерживающую среду для всех участников образовательного и воспитательного процесса.

В совокупности данные исследования показывают, что в условиях информационной насыщенности психологическая грамотность родителей приобретает фрагментарный и

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

индивидуализированный характер. Отсутствие целостной инфраструктуры поддержки, низкий уровень культуры регулярного взаимодействия с профессионалами и эпизодический характер консультационной помощи препятствуют переходу от поверхностного информирования к осознанной практике. Психологическая грамотность в таких условиях остается скорее набором разрозненных знаний, чем устойчивым инструментом для принятия решений, а информационное изобилие не поддерживает, а в ряде случаев подменяет живую профессиональную коммуникацию.

Список источников / References

1. Авдеева, Н.Н., Шведовская, А.А., Андреева, А.Д., Бурлакова, И.А., Ениколопов, С.Н., Зарецкий, В.К., Захарова, Е.И., Кочетова, Ю.А., Посакалова, Т.А. (2024). Функциональная психологическая грамотность родителей и педагогов как условие построения эффективного общения с ребенком. *Психологическая наука и образование*, 29(1), 113—149. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290109>
Avdeeva, N.N., Shvedovskaya, A.A., Andreeva, A.D., Burlakova, I.A., Enikolopov, S.N., Zaretsky, V.K., Zakharova, E.I., Kochetova, Y.A., Poskakalova, T.A. (2024). Functional Psychological Literacy of Parents and Teachers as a Condition of Effective Communication with a Child. *Psychological Science and Education*, 29(1), 113—149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2024290109>
2. Асаинова, А.Ж., Жилбаев, Ж.О., Мухамедиева, К.М., Абыкенова, Д.Б. (2025). Влияние цифровой грамотности родителей на стратегии обеспечения безопасности детей в интернете. *Білім*, 2(113), 104—116. <https://doi.org/10.59941/2960-0642-2025-2-104-116>
Assainova, A.Zh., Zhilbayev, Zh.O., Mukhamediyeva, K.M., Abykenova, D.B. (2025). The impact of parents' digital literacy on child safety strategies on the Internet. *Bilim*, 2(113), 104—116. <https://doi.org/10.59941/2960-0642-2025-2-104-116>
3. Баринаова, О.Г. (2020). Психическое здоровье детей в контексте психологической грамотности родителей. *Бюллетень медицинской науки*, 1S, 12—13.
Barinova, O.G. (2020). Parental psychological awareness and children mental health. *Bulletin of Medical Science*, 1S(17), 12—13. (In Russ.).
4. Винникот, Д.В. (2023). *Все мы родом из родительского дома: Записки психоаналитика*. Пер. с англ. СПб: Питер.
Winnicott, D.W. (2023). *Home Is Where We Start From. Essays by a Psychoanalyst*. Trans. from Engl. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
5. Дубровина, И.В. (2014). Психологическая культура родителей как участников образовательного процесса. *Гуманизация образования*, 1, 6—15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21735290> (дата обращения: 10.05.2025).
Dubrovina, I.V. (2014). Psychological culture of parents as participants in the educational process. *Humanization of Education*, 1, 6—15. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21735290> (viewed: 05.10.2025).
6. Иванова, Е.В., Шаповаленко, И.В. (2025). Психологические характеристики родителей и эмоциональное благополучие дошкольников. *Психолого-педагогические исследования*, 17(1), 3—17. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170101>
Ivanova, E.V., Shapovalenko, I.V. (2025). Psychological characteristics of parents and emotional

Хан Ю.А. (2025)

Психологическая грамотность родителей детей дошкольного возраста в условиях информационной насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)

Psychological literacy of parents of preschool children in an information-saturated environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

well-being of preschool children. *Psychological-Educational Studies*, 17(1), 3—17. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psyedu.2025170101>

7. Истратова, М.А., Пазухина, С.В. (2017). Повышение педагогической грамотности родителей в вопросах информационной безопасности дошкольников. *Universum: Психология и образование*, 4(34), 6—9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28903759> (дата обращения: 10.05.2025).
Istratova, M.A., Pazukhina, S.V. (2017). Improving pedagogical competence of parents of preschool children in the protection of children from harmful information. *Universum: Psychology and Education*, 4(34), 6—9. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28903759> (viewed: 10.05.2025).
8. Марголис, А.А. (2021). Новая научная грамотность: проблемы и трудности формирования. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 5—24.
<https://doi.org/10.17759/pse.2021260601>
Margolis, A.A. (2021). New Science Literacy: Problems and Difficulties of Formation. *Psychological Science and Education*, 26(6), 5—24. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/pse.2021260601>
9. Пастернак, Н. (2011). Воспитание ребенка: чего ждет семья от школы, а школа от семьи. *Образовательная политика*, 1(51), 84—87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26109856> (viewed: 10.05.2025).
Pasternak, N. (2011). Child upbringing: what the family expects from school, and what the school expects from the family. *Educational Policy*, (1)51, 84—87. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26109856> (viewed: 10.05.2025).
10. *Современные модели и формы работы с родителями в дошкольных организациях: методические рекомендации* (2013). Астана. URL: https://irrd.kz/sites/irrd.kz/uploads/docs/metodicheskie_razrabotki/mp18_rus.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
Modern models and forms of working with parents in preschool organizations: methodological recommendations (2013). Astana. (In Russ.). URL: https://irrd.kz/sites/irrd.kz/uploads/docs/metodicheskie_razrabotki/mp18_rus.pdf (viewed: 20.05.2025).
11. Суворова, О.В., Пец, О.И. (2014). Специфика структуры психологической компетентности родителей младших школьников. *Мир науки, культуры, образования*, 6(49), 241—243. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23006093> (дата обращения: 10.05.2025).
Suvorova, O.V., Petz, O.I. (2014). Specific structure of psychological competence of the parents of younger students. *World of Science, Culture and Education*, 6(49), 241—243. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23006093> (viewed: 05.10.2025).
12. Умняшова, И.Б., Новикова, Г.В. (2017). Развитие психолого-педагогической компетентности родителей обучающихся. *Вестник практической психологии образования*, 14(1), 14—18. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Umnyakova_Novikova (дата обращения: 10.05.2025).
Umnyashova, I.B., Novikova, G.V. (2017). Development of psychological and pedagogical competence of parents of students. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 14(1), 14—18. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Umnyakova_Novikova (viewed: 05.10.2025).

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

13. Федорова, Ю.А., Хахлова, О.Н. (2017). Осознанное родительство как психолого-педагогический феномен. *Педагогический журнал Башкортостана*, 6(73), 16—24. URL: <https://elibrary.ru/yvfmse> (дата обращения: 05.10.2025).
Fedorova, Yu.A., Hakhova, O.N. (2017). Conscious parenting as psycho-pedagogical phenomenon. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 6(73), 16—24. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/yvfmse> (viewed: 05.10.2025).
14. Цукерман, Г.А. (2000). Две фазы младшего школьного возраста. *Психологическая наука и образование*, 5(2), Статья 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2000_n2/Tsukerman (дата обращения: 05.10.2025).
Zuckerman, G.A. (2000). Two phases of primary school age. *Psychological Science and Education*, 5(2), Article 3. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2000_n2/Tsukerman (viewed: 05.10.2025).
15. Arnold, K.A., Goldschmitt, K., Rigotti, T. (2023). Dealing with information overload: A comprehensive review. *Frontiers in Psychology*, 14, Article 1122200. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1122200>
16. Carr, N. (2010). *The shallows: What the Internet is doing to our brains*. New York: W.W. Norton & Company.
17. Erikson, E.H. (1963). *Childhood and society*. 2nd ed. New York: W.W. Norton & Company.
18. Jorm, A.F. (2012). Mental health literacy: Empowering the community to take action for better mental health. *American Psychologist*, 67(3), 231—243. <https://doi.org/10.1037/a0025957>
19. Kambatyrova, A. (2022). Parents' language ideologies in the context of trilingual education policy in Kazakhstan. *International Journal of Multilingualism*, 21(3), 1201—1217. <https://doi.org/10.1080/14790718.2022.2153850>
20. Parenting knowledge, attitudes, and practices. In: *Parenting matters: Supporting parents of children ages 0–8* (pp. 45—47). Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/21868>
21. Rideout, V.J., Foehr, U.G., Roberts, D.F. (2010). *Generation M: Media in the lives of 8- to 18-year-olds*. Menlo Park: Henry J. Kaiser Family Foundation.
22. Tlepbergen, D., Akzhigitova, A., Zabrodskaia, A. (2022). Language-in-education policy of Kazakhstan: Post-pandemic technology enhances language learning. *Education Sciences*, 12(5), Article 311. <https://doi.org/10.3390/educsci12050311>
23. Tlepbergen, D., Akzhigitova, A., Zabrodskaia, A. (2023). Bottom-up approach to language policy and planning in Kazakhstan. *Societies*, 13(2), Article 43. <https://doi.org/10.3390/soc13020043>
24. Widyawati, Y., Scholte, R.H.J., Kleemans, T., Otten, R. (2021). Positive parenting and its mediating role in the relationship between parental resilience and quality of life in children with developmental disabilities in Java Island, Indonesia. *Research in Developmental Disabilities*, 112, Article 103911. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2021.103911>

Информация об авторах

Юлия Андреевна Хан, PhD in Anthropology, научный сотрудник и руководитель проекта по поддержке родителей в рамках психологической службы Qabilet, Корпоративный Фонд «Фонд “El Umiti”», Астана, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3625-6262>, e-mail: leelhan@yandex.ru

Хан Ю.А. (2025)
Психологическая грамотность родителей детей
дошкольного возраста в условиях информационной
насыщенности (на примере Казахстана)
Социальные науки и детство, 6(2), 5—26.

Khan J.A. (2025)
Psychological literacy of parents of preschool
children in an information-saturated
environment (the case of Kazakhstan)
Social Sciences and Childhood, 6(2), 5—26.

Information about the authors

Julia A. Khan, PhD in Anthropology, Research Fellow and Project Lead for Parental Support at the Qabilet Psychological Service, Corporate Foundation “El Umiti” Foundation”, Astana, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3625-6262>, e-mail: leel-han@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год).

Ethics Statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964).

Поступила в редакцию 10.05.2025
Поступила после рецензирования 20.08.2025
Принята к публикации 20.08.2025
Опубликована 29.08.2025

Received 2025.05.10
Revised 2025.08.20
Accepted 2025.08.20
Published 2025.08.29

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ | AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Психологическая травма в разные периоды детства

Ю.А. Кочетова¹, М.В. Климакова¹✉, Е.А. Емельянова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ klimakovamv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Психологическая травма в разные периоды детства оказывает долгосрочное влияние на развитие личности ребенка, социальную адаптацию и психическое здоровье в целом. Тема исследования является актуальной по причине большого количества психотравмирующих событий в современном мире, таких как: насилие, катастрофы, трагедии, неблагоприятные социальные условия развития, события, связанные с детско-родительскими отношениями. **Цель** — изучение особенностей психологической травмы на разных этапах детского возраста (ранний, дошкольный, младший школьный, подростковый), в том числе у детей с ОВЗ; выявление ее механизмов и последствий в разном возрасте. **Методы и материалы.** В данной статье применялся метод теоретического анализа отечественной и зарубежной научной литературы по теме исследования. **Результаты.** Анализ выявил возрастные особенности травматизации: младенчество и ранний возраст — расстройство привязанности, замедление развития эмоционально-волевой и когнитивной сфер личности ребенка; регрессия, двигательное возбуждение или заторможенность; дошкольный возраст — симптомы интернализации (самообвинение, социальная замкнутость, низкая самооценка) и экстернализации (агрессия, гиперактивность), появление специфических страхов, сепарационной тревоги, обидчивости и раздражительности, физиологические проявления (нарушения сна, расстройства ЖКТ, головные боли, энурез); школьный возраст отмечается снижением успеваемости, мотивации, избеганием, агрессией; подростковый возраст — депрессией, рискованным поведением, самоповреждением. **Выводы.** Переживание психологической травмы в детстве — это динамический процесс, последствия которого зависят от возраста, типа травмы и социального контекста. Независимо от возраста, травма нарушает базовое чувство безопасности, искажает самооценку и затрудняет социальную адаптацию, провоцирует тревожность, страхи, чувство вины и депрессивные состояния. Также отмечаются

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

когнитивные последствия (снижение познавательной активности, нарушения памяти и внимания, пессимистическое мышление). Однако механизмы и последствия травматизации различаются на разных этапах развития. Эффективная помощь требует не только работы с ребенком, но и изменения семейной системы, а также создания поддерживающей среды в образовательных учреждениях. Раннее вмешательство и учет возрастных особенностей позволяют минимизировать долгосрочные негативные эффекты и способствовать посттравматическому росту.

Ключевые слова: психологическая травма, детская травма, психотравмирующее событие, травматизация

Для цитирования: Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В., Емельянова, Е.А. (2025). Психологическая травма в разные периоды детства. *Социальные науки и детство*, 6(2), 27—48. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060202>

Psychological trauma in different periods of childhood

Yu.A. Kochetova¹, M.V. Klimakova¹✉, E.A. Emelianova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ klimakovamv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Psychological trauma in different periods of childhood has a long-term impact on the child's personality development, social adaptation and mental health in general. The research topic is relevant due to the increasing number of traumatic events, such as violence, disasters, tragedies, unfavorable social conditions of development, as well as injuries related to child-parent relationships. The purpose of the article is to study the features of psychological trauma at different stages of childhood (early, preschool, primary school, adolescence), including children with disabilities, to identify the mechanisms of childhood psychological trauma at different ages and the consequences of traumatization. **Methods and materials.** This article uses the method of theoretical analysis of domestic and foreign scientific literature on the research topic. **Results.** As a result of the study of psychological trauma in childhood, age-related features of traumatization in each age period were revealed: infancy and early age — attachment disorder, slowing down the development of the emotional, volitional and cognitive spheres of the child's personality; regression, motor arousal or inhibition; at preschool age, symptoms of internalization (self-blame, social isolation, low self-esteem) and externalization (aggression, hyperactivity), the appearance of specific fears, separation anxiety, resentment and irritability, physiological manifestations (sleep disorders, gastrointestinal disorders, headaches, enuresis); at school age, there is a decrease in academic performance, motivation, avoidance, aggression; adolescence — depression, risky behavior, self-harm. **Conclusions.** Experiencing psychological trauma in childhood is a dynamic process, the consequences of which depend on age, type of trauma, and social context. Effective care requires not only working with a child, but also changing the family system, as

well as creating a supportive environment in educational institutions. Early intervention and consideration of age-related characteristics can minimize long-term negative effects and promote post-traumatic growth.

Keywords: psychological trauma, childhood trauma, traumatic event, traumatization

For citation: Kochetova, Yu.A., Klimakova, M.V., Emelianova, E.A. (2025). Psychological trauma in different periods of childhood. *Social Sciences and Childhood*, 6(2), 27—48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060202>

Введение

Понятие психологической травмы давно используется в психологической теории и практике. Психологическая травма определяется как вред, нанесенный психическому здоровью человека в результате интенсивного воздействия неблагоприятных факторов (Карпенко, Петровский, Ярошевский, 1998) психотравмирующих событий. В настоящее время развиваются различные подходы к работе с психологической травмой, посттравматическим стрессовым расстройством; новые вызовы современности заставляют науку и практику все чаще прибегать к расширению возможностей в работе с психологической травмой, таким образом, данная тема сохраняет свою актуальность на протяжении всего исторического развития общества.

В психологических и педагогических словарях даются различные определения понятию психологической или психической травмы. Обобщив приведенные определения, мы можем охарактеризовать травму как след пережитой тяжелой ситуации (Столяренко, 2003); психологический ущерб или отклонение от нормы (Коджаспирова, Коджаспиров, 2005), вызванное событиями, имеющими личностную значимость для человека (Блейхер, Крук, 1995) и являющимися сильными стрессорами (Коджаспирова, Коджаспиров, 2005). При этом у человека недостаточно психологических защитных механизмов (Блейхер, Крук, 1995) или способов справиться со стрессом, или же он считает себя неспособным справиться с ним. В дальнейшем травма может приводить к возникновению других психических расстройств (Блейхер, Крук, 1995; Столяренко, 2003).

Изначально термин «психологическая травма» был введен неврологом А. Ойленбургом в 1878 г. для обозначения психологических последствий стрессовых событий: шока и сильных эмоций, которые ученый связывал с сотрясением мозга (Hart, Onno, Brown, 1991). Примерно через 10 лет после этого Г. Оппенгейм ввел понятие травматического невроза, который также связывал с повреждениями мозга и нервной системы (Федунина, 2005).

В связи с достаточно большим количеством катастроф и разработкой законов о страховании в результате несчастных случаев значительное внимание уделялось уточнению и разработке понятия «психологическая травма». Травма рассматривалась как следствие сильных эмоциональных переживаний из-за невозможности подготовиться и адаптироваться к какой-либо ситуации, то есть подчеркивалась значимость неспособности человека действовать в целях защиты себя, отказа от поиска новых форм поведения. С другой стороны, на разработку данного понятия оказала влияние психоаналитическая теория, в рамках которой травму рассматривали как следствие фиксации на сильных переживаниях и как следствие сильного конфликта между бессознательными установками и установками «Я», что приводит к работе защитных механизмов, таких как вытеснение, отрицание и т. п. (Федунина, 2005).

В отечественной психологии начало изучения психологических травм связывают с работой П.М. Автократова. Он выступил с «...первым в истории психиатрии сообщением о явлении, которое впоследствии получило известность как “shell shock” (снарядный шок), или “травматический невроз” на войне» (Федунина, 2005).

Таким образом, научное изучение понятия травмы началось с наблюдения за состоянием людей после транспортных происшествий и войн, а также за различными феноменами, наблюдаемыми у жертв катастроф и участников боевых действий — снарядный шок, военные неврозы, понятия боевой психической травмы, посттравматического стрессового расстройства, стадии переживания горя и т. п.

Постепенно отмечалось, что подобные реакции возникают не только вследствие катастроф и военной службы, но и после других экстремальных ситуаций, например, преступлений, тяжелых болезней, тяжелых жизненных условий и т. д. Считается, что к формированию психологической травмы могут привести некоторые особенности детско-родительских отношений, неблагоприятные условия жизни в семье, физическое и эмоциональное насилие, пренебрежение и отторжение со стороны родителей. При этом особую значимость играет травматизация в раннем возрасте (Вихарева, Вихарева, Кузьмишина, 2023; Кадыров, Ковалев, Ильина, 2016). Как было указано выше, важным фактором формирования травмы является неспособность справиться со стрессом или воздействовать на стрессовую ситуацию: чем младше ребенок, тем он более беспомощен и хуже может справляться с травмирующим воздействием.

Материалы и методы

Актуальность данной статьи обусловлена значительным влиянием психологической травмы, полученной в детском возрасте, на последующую жизнь индивида. Последствия травмы могут варьироваться от нарушений в эмоциональной сфере до серьезных психопатологий и соматических заболеваний. Важность проблемы подчеркивается многочисленными научными работами, указывающими на прямую связь детской психологической травмы с депрессиями, социальными проблемами, наркотической зависимостью и онкологией. Статья предлагает глубокий взгляд на проблему, освещая как индивидуальные аспекты травмы, так и семейные условия, оказывающие ключевое влияние на исход переживаний ребенка.

Целью настоящего исследования является изучение влияния различных видов психологической травмы, полученных в разные периоды детства, на развитие личности и адаптацию ребенка в последующие годы жизни.

Задачи исследования:

1. Выделить основные виды психологической травмы, возникающей в разных возрастных группах.
2. Определить причины возникновения психологической травмы и возможные последствия в виде психоэмоциональных и физических изменений на разных возрастных этапах.

Исследовательские вопросы.

1. Какие факторы оказывают наибольшее влияние на возникновение и тяжесть психологической травмы?
2. Чем отличаются симптомы психологической травмы в разном возрасте?

В ходе изучения темы нами использованы следующие методы: теоретический анализ научной литературы (отечественной и зарубежной); обзор эмпирических исследований, систематизация и классификация данных по возрастным группам, анализ диагностических методов и методов психологического сопровождения ребенка с психологической травмой и его семьи.

Психологическая травма в детских возрастах

Психологическая травма, полученная в раннем возрасте и связанная с детско-родительскими отношениями, может приводить к развитию депрессии и других расстройств (Вихарева, Вихарева, Кузьмишина, 2023), нарушению социализации (Смолькова, 2017), формированию зависимостей от психоактивных веществ (Кадыров, Ковалев, Ильина, 2016), а также заболеваний, в частности онкологических. Для таких пациентов характерен экстернальный локус контроля, трудности с принятием ответственности за свою жизнь (Егикян, 2015).

Важно, что событие, связанное с травмой, должно быть субъективно значимо. По этому признаку В.Н. Мясищев выделяет объективно-значимые (для большинства людей) и условно-патогенные (переживания, возникающие в силу психологических особенностей конкретного человека). Существует большое количество классификаций психологических травм. Анализируя классификации, отметим, что большинство ученых по длительности воздействия выделяют травмы:

А. Связанные с неожиданным происшествием, кратковременные:

1. Массивные (катастрофические) и ситуационные острые, неожиданные (по Г.К. Ушакову и Б.А. Воскресенскому);
2. Шоковые психические травмы и психотравмирующие ситуации относительно кратковременные, но психологически очень значимые для человека (по В.В. Ковалеву);
3. Единичная психологическая травма, связанная с ограниченным во времени событием (по Л.К. Терр).

Б. Связанные с длительно текущей ситуацией:

1. Пролонгированные ситуационные (по Г.К. Ушакову и Б.А. Воскресенскому);
2. Хронически действующие психотравмирующие ситуации и эмоциональная депривация (по В.В. Ковалеву);
3. Множественные психологические травмы, возникающие из-за продолжительного или повторяющегося воздействия травматических событий (по Л.К. Терр).

В семейных отношениях могут проявляться оба этих вида: могут происходить как неожиданные, острые, краткосрочные ситуации, так и длительные нарушения отношений. В семейных и детско-родительских отношениях могут возникать следующие виды травматического воздействия:

1. Связанные с нарушениями привязанности по Руперту;
2. Связанные с отказом по Руперту, непринятием по Бурбо и отвержением по Силеноку, Лакошиной, Ушаковой, недостатком поддержки по М.М. Ковалевой;
3. Связанные с потерей близкого человека по Силеноку и Мудрику;
4. Связанные с разрушением семьи, предательством по В.Н. Мясищеву и Толстоуховой;
5. Связанные с нарушением границ по А.И. Красилову;

6. Связанные с проявлениями агрессии по А.И. Красилову и Л.К. Терр, нарушениями безопасности и базовых потребностей по В.Н. Мясищеву, физическим насилием, угрозами или наказаниями (Волков, 2002);
7. Связанные с манипуляциями и эмоциональным насилием по А.И. Красилову;
8. Связанные с подавлением собственных эмоций по Бурбо и Якиманской;
9. Связанные с несоответствием ожиданиям общества, идентичностью по Силенок и Якиманской, вызванные конфликтами «я-общество» и «я-другие» по В.Н. Мясищеву — в контексте несоответствия ожиданиям родителей.

Сложной задачей является диагностика и выявление психологической травматизации у ребенка. Во-первых, эмоциональные реакции детей, перенесших травматические события, различаются: от страхов, замкнутости, избегающего поведения до агрессии, эмоциональных вспышек и пр. (Якунин, Новикова, 2014). Преобладают неадаптивные способы совладания со стрессом (Nelson, 2022), однако они тоже различаются — от подавления эмоций и избегания (Хажуев, 2017), которое может проявляться как эмоциональное дистанцирование, деперсонализация, уход от реальности и как настоящие побеги (Якунин, Новикова, 2014), до изменения ценностей, дегуманизации (Dyregrov, Mitchell, 1992), формирования зависимого поведения, аутоагрессии и пр.

Различаются и психологические защитные механизмы (вытеснение, регрессия, идентификация с агрессором и т. п.), а также существуют определенные характерные проявления посттравматического стрессового расстройства: диссоциация (Дякина, 2022), флешбеки, агрессия и аутоагрессия, расстройства пищевого поведения, регрессивное поведение и трудности в обучении. Отмечается, что дети, перенесшие травму, могут быть склонны к вытеснению, т. е. забыванию травмирующего события, или, напротив, к воспроизведению травматического события (во сне, в повторяющихся играх, рисунках или социальных ситуациях) (Якунин, Новикова, 2014).

Травма может наложить отпечаток на дальнейшее развитие личности ребенка. Дети могут избегать определенных ситуаций, напоминающих о травме, болезненно реагировать на отдельные раздражители и пр. Психологическая травма может ускорять взросление детей, проявляясь в ранней самостоятельности и быстром интеллектуальном развитии, что помогает справляться с трудностями, но часто ведет к эмоциональному истощению (Josse, 2011). С другой стороны, травма может приводить к снижению успеваемости, особенно у детей, склонных к уходу от реальности. В некоторых случаях травма может приводить к расстройству личности. Чем младше ребенок, тем большее влияние травма оказывает на формирование личности, и тем выше этот риск.

Таким образом, как родителям, так и специалистам важно замечать особенности поведения и эмоционального состояния ребенка, поскольку картина поведения и состояния детей при травме может сильно различаться. Поведение может быть направлено на уход и избегание; на аутоагрессию, скрытие эмоций; на яркий показ эмоций и разрушительное и агрессивное поведение вовне.

В диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам DSM-5 и в Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-11) приведены основные критерии посттравматического стрессового расстройства, развивающегося в результате травмы. Также специалистами могут использоваться специальные опросники.

Психологическая травма в младенческом и раннем возрастах

Отмечается, что в младенческом возрасте психологическая травматизация связана в основном с нарушениями межличностных отношений с матерью или заменяющим ее близким взрослым, т. е. с нарушениями социальной ситуации развития ребенка, а также с наличием психических расстройств у матери. Многие исследователи отмечают влияние пережитого сильного стресса матерью на последующее развитие ребенка, что приводит к трудностям в создании отношений привязанности.

Так, Э. Дозио с соавторами было проведено исследование на выборке из 24 пар «мать-ребенок» из Центральной Африки, Чада и Камеруна. Матери пережили события, связанные с военными действиями, до рождения ребенка. Возраст детей на момент исследования составлял от 1,5 до 30 месяцев. Авторы отмечают, что у матерей наблюдался высокий уровень посттравматического стрессового расстройства, тревожности и депрессии, согласно различным шкалам. Данное эмоциональное состояние показало значимые связи с особенностями взаимодействия в паре матери и ребенка. Отмечалось снижение материнской чувствительности, привязанности и диадической взаимности. Высокие значения обнаружились по шкалам, оценивающим негативное эмоциональное состояние ребенка, негативное состояние диады и социальную вовлеченность ребенка (Dozio, 2025).

В подобных случаях, когда наблюдается расстройство привязанности, может происходить замедление в развитии эмоционально-волевой и когнитивной сфер личности ребенка. В дальнейшем это может привести к трудностям интеллектуального развития и к проблемам в построении межличностных отношений в последующих возрастах.

Формирование ненадежной привязанности возможно в отношениях с матерью, для которой характерен амбивалентный тип. Как отмечают А.М. Молокостова и М. Гаджиева, тревожность и негативные установки матери, которые могут быть результатом как раннего детского опыта построения отношений с собственной матерью, так и результатом пережитых во взрослом возрасте стрессовых событий, могут являться «источником трудностей и дезадаптации» (Молокостова, Гаджиева, 2019).

В первую очередь дезадаптация может быть связана с формированием образа Я. Эмоциональные взаимоотношения с матерью формируют восприятие себя и бессознательные установки «Я». М.Ю. Краева подчеркивает, что в случае неблагоприятных отношений с матерью данная установка будет носить отрицательный характер (Краева, 2015).

В.М. Миназова подчеркивает, что симптомами психологической травматизации будут выступать истерики, нарушения сна и аппетита, отсутствие интереса к окружающему миру и взрослым, отсутствие гуления и лепета, и в целом задержка физического развития (Миназова, 2017) — признаки, соответствующие феномену госпитализма, а также выступающие признаками депрессии в младенческом возрасте.

В раннем возрасте важным фактором психологической травматизации ребенка остаются отношения привязанности, а также реакция родителей на активность ребенка, что связано с расширением связей ребенка с окружающим миром; пережитые стрессовые события (усыновление, смерть родителей или сепарация с ними в раннем детстве, различные чрезвычайные ситуации, физическое и психологическое насилие в семье).

Важным симптомом травматизации в младенческом и раннем возрастах являются трудности в развитии первых форм саморегуляции. Симптомы, характерные в основном для раннего возраста, включают регрессию, двигательное возбуждение или заторможенность

ребенка (Миназова, 2017), трудности в межличностных отношениях, которые могут быть заметны уже до 2 лет (Екимова, Лучникова, 2020). Это проявляется в проблемах сотрудничества ребенка с другими людьми. В данный период наблюдаются неустойчивые отношения со взрослыми, когда ребенок проявляет, с одной стороны, агрессивность, с другой — привязчивость, а иногда остается индифферентен ко взрослому. Такая картина поведения соответствует дезорганизованному типу привязанности (Екимова, Лучникова, 2020).

Психологическая травма в дошкольном возрасте

В дошкольном возрасте расширяются связи ребенка с окружающим миром, и причинами травматизации являются травмирующие отношения в семье (насилие, отвержение и неприятие) и различные стрессовые события, прямо или косвенно (через отношение к событию, демонстрируемое родителями) связанные с ребенком. Травмирующей может стать ситуация, при которой ребенок является наблюдателем стрессового события. Ю. Сан отмечает, что в США 55% детей дошкольного возраста пережили одно травмирующее событие, а 12% — более трех, 26% детей становятся свидетелями или переживают травмирующее событие до того, как им исполнится четыре года. Среди прочего пандемия COVID-19 привела к увеличению риска получения детских травм (Sun, 2024).

Отечественные ученые отмечают, что наиболее распространенная причина психологической травматизации связана с процессом сепарации ребенка: выход матери на работу, посещение детского сада, длительная госпитализация. А.С. Сердюкова отмечает, что реакция детей дошкольного возраста на стрессовые события неоднозначна: дети могут как застрять на переживании, так и получить определенный опыт и «идти дальше» (Сердюкова, 2021). В данном случае, вероятно, речь идет об однократном стрессовом событии, поэтому очень важно, чтобы родители не завышали значимость данного события, особенно если ребенок справляется с ним достаточно хорошо, способен адаптироваться к ситуации. Именно родительское отношение связано с психологической устойчивостью детей. Такие данные были получены в ходе экспериментального исследования 199 семей военных с ребенком дошкольного возраста, проведенного в 2024 г. П. Лестер и соавторами. Они выявили, что дети с нарушениями эмоционально-социального функционирования чаще живут в семьях, где у матерей есть симптомы ПТСР, причем благополучие родителей (особенно материнское ПТСР) влияет на ребенка сильнее, чем демографические факторы (звание, тип службы и др.) (Lester, 2024).

А.А. Рахметулина отмечает, что в случае, когда стресс превосходит приспособительные возможности детей, у дошкольников могут формироваться негативные установки по отношению к своей личности (неполноценности, неадекватности в сравнении со сверстниками, самоуничижения, самообвинения и т. п.) (Рахметулина, 2010). Так, дошкольники испытывают неуверенность и сомнения в себе в случае чрезмерной авторитарности; они склонны винить себя в родительских ссорах.

Психологическая травма может проявляться на эмоциональном, когнитивном и физиологическом уровнях. Так, психологическая травма может проявляться в ситуациях общения. Ребенок может замкнуться в себе и избегать общения, быть пассивным или, напротив, быть более капризным и конфликтным, чрезмерно активным. В этом возрасте возникают половые различия в проявлениях психологической травмы: девочкам в большей степени свойственна демонстративность, а мальчикам — агрессия и импульсивное поведение (Рахметулина, 2010). Зарубежные исследования также подтверждают эти данные. В. Валдес рассматривает симптомы интернализации (самообвинение, социальная замкнутость, низкая

самооценка) и экстернализации (агрессия, гиперактивность) как проявления психологической травмы в дошкольном возрасте. Отмечается, что для девочек 3 и 5 лет в большей степени характерны симптомы интернализации, чем для мальчиков, причем у девочек они начинают проявляться раньше: стрессовые события показывают значимую связь с симптомами интернализации у девочек уже в 3 года, и у обоих полов к 5 годам. Симптомы экстернализации проявлялись у всех детей после стрессовых событий в любом возрасте (от пренатального до 5 лет) (Valdes, 2024).

Для всех детей характерно появление специфических страхов, сепарационной тревоги, обидчивости и раздражительности (Москалев, 2016).

В качестве когнитивных проявлений отмечают снижение познавательных интересов, нарушения памяти (Москалев, 2016) и внимания (Миназова, 2017).

Существуют и физиологические проявления психологической травмы в дошкольном возрасте: нарушения сна и расстройства ЖКТ, головные боли и тики, тремор, энурез, (Москалев, 2016), нарушения пищевого поведения, частые простудные заболевания, мышечное напряжение и повышенная утомляемость (Точиева, Цечоева, 2021).

В дошкольном возрасте травмирующие ситуации часто проигрываются детьми, сюжет игры напоминает стрессовое событие. Характерная черта таких игр — монотонность, причем в игре отсутствуют элементы катарсиса (Москалев, 2016).

Проявления психологической травмы могут различаться в зависимости от особенностей личности ребенка, а также от травмирующего события. Так, турецкие психологи проводили исследование на выборке из 34 детей дошкольного возраста от 1,5 до 5 лет, переживших землетрясение 6 февраля 2023 года и обратившихся в амбулаторную клинику в течение следующих 3 месяцев, а также 37 других детей дошкольного возраста, переживших события, угрожающие жизни (не стихийные бедствия). Результаты показали, что острое стрессовое расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) чаще встречались в группе, пережившей землетрясение, чем в другой группе, пережившей травму. Дети, пережившие землетрясение, были в большей степени склонны к переживанию страхов, растерянности и недоумения, беспомощности, грусти, у них отмечались кошмары и проявления агрессии. Интересно, что между группами не было выявлено значимых различий по таким пунктам, как переживание злости, плач, социальная изоляция и регрессия (Temelturk, 2025). Вероятно, это связано с особенностью стрессового события: при переживании стихийного бедствия (землетрясения) дети сталкиваются с внезапной, неконтролируемой угрозой, разрушением привычной среды и потерей чувства безопасности, что усиливает ощущение беспомощности и страха перед непредсказуемостью мира. В отличие от этого, травмы, не связанные с природными катастрофами (например, ДТП или насилие), могут восприниматься как более локализованные события, связанные с конкретными социальными обстоятельствами и личным опытом ребенка.

Интересно, что, согласно исследованиям, дети даже младшего дошкольного возраста способны достоверно сообщать о симптомах посттравматического стресса (Gonzalez, 2016). Однако педагоги отмечают серьезный пробел в своем образовании — отсутствие необходимых навыков для работы с травмированными детьми (Sun, 2024). Многие воспитатели испытывают трудности в распознавании признаков травмы в поведении учащихся, что значительно затрудняет своевременное оказание помощи. Это подчеркивает

необходимость обучения воспитателей эффективнее распознавать признаки психологической травмы у детей и оказывать им соответствующую поддержку.

Психологическая травма в младшем школьном возрасте

В младшем школьном возрасте социальная ситуация развития включает в себя школьное обучение, а ведущей деятельностью является учебная. Ребенку важны успех учебной деятельности и отношения с учителем (Миназова, 2017), поэтому травма зачастую будет проявляться в школьных трудностях. Проявления психологической травмы у младших школьников стабильны и не могут пройти спонтанно (как это иногда происходит в раннем или дошкольном возрасте), что свидетельствует о глубоком и долгосрочном влиянии стресса на психическое здоровье на протяжении всей жизни.

Интересно, что описанные выше половые различия в проявлениях травмы, характерные для дошкольного возраста, сглаживаются к 7 годам. Так, было выявлено, что травмы, связанные с межличностными отношениями, приводят к проявлению симптомов интернализации как у мальчиков, так и у девочек от семи лет больше, чем другие травмы, не связанные с отношениями (Valdes, 2024). Травмы, полученные в межличностных отношениях, в отличие от травм, не связанных с отношениями, воспринимаются детьми более остро «из-за ее личностного и преднамеренного характера» (Екимова, Лучникова, 2020).

Эмоциональные симптомы психологической травмы в младшем школьном возрасте включают нарушения сна, страхи перед окружающими людьми, пессимизм, негативные установки на будущее (Миназова, 2017). У младших школьников, переживших травму, особенно если травматизация была относительно постоянной, могут наблюдаться гиперкинетические нарушения поведения или комбинированные поведенческие и эмоциональные расстройства (Екимова, Лучникова, 2020), эмоциональная лабильность и гипотимия, негативизм, чувство вины, агрессия и аутоагрессия (Добряков, 2024). В случае, если травма связана с чрезвычайной ситуацией, особенно повлекшей смерть людей, наблюдается повышение интереса к религии и вопросам жизни и смерти, страхи, связанные с заболеваниями или смертью, причем ребенок может отказываться говорить об этом (Добряков, 2024).

Важно отметить, что причиной психологической травмы могут являться отношения со сверстниками и учителями в школе, например, буллинг, кибербуллинг и т. п. Это приводит к формированию страхов, низкой самооценки, ощущению одиночества и стыда, желанию избежать ситуаций общения (Мариничева, 2024) или копированию поведения агрессора. В дальнейшем это может негативно отразиться на развитии коммуникативных навыков.

М.Ю. Краева отмечает, что негативный образ себя, сложившийся в результате психологической травмы, отразится на когнитивной сфере и будет проявляться в нежелании учиться и снижении учебной мотивации (Краева, 2015), поскольку ребенок пессимистично настроен (Якунин, Новикова, 2014), т. е. не верит в свои возможности справиться с учебными задачами.

Физиологическими проявлениями травмы являются, как и в предыдущих возрастах, нарушения сна и пищевого поведения, боли различной локализации (чаще — головные) (Миназова, 2017), тики, энурезы, а также дети могут попадать в ситуации, угрожающие здоровью (например, падения, возможность порезаться и т. п.) (Добряков, 2024).

Существуют исследования, которые показывают связь между травмой, полученной в детстве в течение первых 7—8 лет жизни, и последующим развитием рака в более поздних

возрастах. Отмечается, что длительный латентный период завершается появлением триггера в более позднем возрасте, который активирует раковую опухоль. Авторы отмечают важную роль, которую играют подавленные эмоции (Harris, 2006).

К.А. Якунин, М.В. Новикова указывают на наиболее распространенные в младшем школьном возрасте способы психологических защит. Ими являются регрессия и подавление, а также пассивность. Данные защиты позволяют избегать новых и поэтому пугающих ситуаций (Якунин, Новикова, 2014).

Психологическая травма в подростковом возрасте

Проявления психологической травмы в подростковом возрасте становятся еще более разнообразными и сложными.

Для подросткового возраста все также характерна связь между пережитой травмой и негативным восприятием себя у детей и подростков, при этом повторяющиеся травмы и их тип усиливают эту связь. Д.М. Меламед и соавторы провели крупнейшее и единственное исследование, в котором проводился метаанализ этой связи между пережитой травмой и самооценкой. Этот показатель эффекта оказался небольшим ($r = -0,20$) и соответствовал ожидаемому направлению, то есть чем сильнее была пережитая травма, тем ниже была самооценка. Однако есть два фактора, которые, по выражению авторов, влияют на эту взаимосвязь: частота травмирующих событий (единичные или повторяющиеся) и сексуальное насилие (по сравнению с другими видами насилия). Выраженность негативного восприятия себя была больше в исследованиях, в которых рассматривалось многократное и повторяющееся травмирующее воздействие, по сравнению с однократным травмирующим воздействием (например, землетрясением); этот эффект сохранялся даже при ограничении дизайна исследования случаями из контрольной группы. Также следует отметить, что связь между пережитой травмой и самооценкой была выявлена в исследованиях, в которых рассматривалось только сексуальное насилие в детстве по сравнению с любым другим видом пережитой травмы. Эти результаты свидетельствуют о том, что не только количество пережитой травмы, но и ее характер влияют на самооценку (Melamed, 2024).

Психотравмирующие воспоминания из детства могут провоцировать руминативное мышление — навязчивое повторение травматичных мыслей, ведущее к тревожности, страхам, самообвинению и депрессии, поскольку закрепляют чувство беспомощности и негативные установки. Т.С. Сурова подчеркивает, что руминации имеют и адаптивную функцию: повторное проживание травмы позволяет искать решения, переосмыслить события и снизить эмоциональную ригидность. Исследования показывают, что важно трансформировать деструктивное руминативное мышление в конструктивное — через переоценку травмы, планирование и изменение когнитивных схем. Это помогает перевести переживания в ресурс для личностного роста. Позитивная переоценка травмы открывает путь к эмоциональной устойчивости (Сурова, 2021).

Начиная с младшего возраста могут проявляться эмоциональные расстройства и расстройства поведения, такие как онихофагия, трихотилломания; новые привычки: сосать пальцы, накручивать волосы на палец, кусать губы; кошмары и страхи; суетливость; неадекватная реакция на незначительные воздействия (Сасина, 2018). Ярко могут быть выражены агрессивность, избегание, недоверие и страх перед взрослыми (особенно у жертв насилия) (Краева, 2015); изоляция от окружающих, неспособность выстраивать дружеские отношения (Дякина, 2022), что может быть связано с чувством неполноценности и

дискомфортом в общении; паранойяльные и обсессивно-компульсивные симптомы (Петрова, 2016).

В качестве одного из проявлений травмы отечественные ученые отмечают тенденции к самоповреждению и, как один из вариантов этой тенденции, склонность к бодимодификациям (пирсинг и др.): было выявлено, что существует прямая связь между семейными психотравмирующими событиями, пережитым насилием и количеством бодимодификаций. Самоповреждения в целом, в свою очередь, связаны еще и с общим количеством неблагоприятных жизненных ситуаций (Кузнецова, Мустафина, Такмакова, 2022).

Часто подростки демонстрируют поведение, соответствующее желаемому образу (быть сильнее, напористее, увереннее и т. п.), или осуществляют поиск сильной фигуры в окружении, которая может их защитить (Краева, 2015). У них формируются определенные поведенческие паттерны, способствующие выживанию, которых подростки достаточно жестко придерживаются, и проявляющиеся в ригидности, иногда в экстремальном поведении (Екимова, Лучникова, 2020).

Отмечаются физиологические проявления травмы у подростков. К ним относятся различные заболевания, такие как диабет, сердечно-сосудистые заболевания, рак (Екимова, Лучникова, 2020); эндокринные нарушения (Banker, Witting, Jensen, 2019). Данные симптомы коррелируют с различными детскими травмами.

Проявляются депрессивные и тревожные расстройства, симптомы ПТСР, аддиктивное поведение (Екимова, Лучникова, 2020), гипервентиляционный синдром, тремор, утомляемость (Сасина, 2018). В дальнейшем могут возникать трудности с построением семейных или трудовых отношений. Так, были выявлены значимые корреляции между низким уровнем стрессоустойчивости у взрослых и небезопасной привязанностью, а также повышенным психологическим стрессом и симптомами травмы. Было установлено, что большое количество неблагоприятных событий в детстве может привести к небезопасному стилю привязанности и низкой стрессоустойчивости у лиц, страдающих психическими расстройствами, что, в свою очередь, приводит к более высокому уровню психологического стресса и травматизации в более позднем возрасте (Finch, 2024).

Выделяют следующие защитные механизмы, характерные для подростков, переживших травму: защитное фантазирование, идентификация с агрессором (особенно при неустойчивой самооценке), отрицание (особенно при завышенной самооценке), проекция (при переживании вины), изоляция чувств (Якунин, Новикова, 2014), вытеснение (Краева, 2015) и диссоциация (Екимова, Лучникова, 2020).

Подростки, пережившие психологическую травму, используют защитные механизмы (защитное фантазирование, идентификацию с агрессором, отрицание, проекцию, вытеснение и диссоциацию) как способы адаптации к травматическому опыту. Эти реакции зависят от индивидуальных особенностей, таких как уровень самооценки, чувство вины или степень стресса.

Анализируя особенности переживания травмы в подростковом возрасте, отметим, что для эффективной психологической помощи таким подросткам важно использовать профорientирование, развитие коммуникативных навыков и планирование жизненных целей, что отвечает задачам возраста, помогает восстановить чувство контроля и перспективы; поддерживать их в развитии коммуникативных навыков, чтобы снизить изоляцию и улучшить социальные связи.

Таким образом, комплексный подход, учитывающий как возрастные задачи подросткового периода, так и последствия травмы, способствует более устойчивой адаптации и восстановлению психологического благополучия.

Психологические травмы у детей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ)

Семьи с детьми, имеющими статус ОВЗ, имеют определенные факторы риска, формирующие психологическую травматизацию. К таким факторам можно отнести как некоторые объективные трудности (социальная изоляция, финансовые проблемы), так и особенности детско-родительских отношений.

Некоторые типичные трудности в таких семьях могут быть связаны с типами родительского отношения к ребенку, особенностями принятия его болезни. Например, родители детей с ОВЗ зачастую склонны к гиперопеке. Если родители убеждены в том, что общество настроено негативно, и сомневаются в способностях ребенка, гиперопека может принимать форму ограничения активности ребенка и его круга общения, чтобы избежать неприятных ситуаций. Также родители могут ограничивать и свой круг общения, в результате и родители, и ребенок замыкаются на семье и на проблеме ребенка, что мешает последнему приобретать опыт построения межличностных отношений с другими людьми (Зими́на, Кошечева, 2016), приводит к формированию выученной беспомощности (Андреевская, 2024), кроме того, дети усваивают транслируемое родителями пессимистическое отношение к жизни и окружающему миру (Вязовова, Толстошеина, Котовская, 2017).

Возникают ситуации, когда родители не принимают болезнь или особенности ребенка, в результате создавая обстановку, когда ребенок (в силу заболевания) не может соответствовать «завышенным» требованиям. Это приводит к возникновению чувства вины и стыда, беспомощности, ощущению собственной неадекватности. Главная проблема в таких семьях заключается в том, что дети не могут получить своевременную психологическую помощь и коррекцию, в результате нарушения хуже компенсируются. Эти нарушения также могут препятствовать социальной адаптации.

Отмечается, что снижение активности и трудности адаптации приводят к социальной изоляции, снижению мотивации и целеполагания, сужают жизненный опыт человека, в результате чего у него не формируются новые формы поведения и реагирования. В качестве примера приведем исследование Н.В. Вязовой и В.М. Толстошеиной, в котором было выявлено, что домашнее обучение и воспитание часто подавляют активность студентов с ДЦП на поведенческом и когнитивном уровнях, в результате чего формируется неуверенность в себе, несамостоятельность, вина, выученная беспомощность и отказ от активных действий (Вязовова, Толстошеина, Котовская, 2017). Однако инклюзивное образование помогает студентам с ДЦП наращивать социальный и когнитивный опыт даже при гиперопеке в семье, выстраивать целеполагание и искать смыслы в своей деятельности, поэтому возможность встроиться в социум очень важна.

Отечественные психологи отмечают, что «осмысленность жизни является одним из ключевых личностных ресурсов психологического преодоления инвалидности». Исследование Л.А. Александровой, А.А. Лебедевой выявило, что дети с приобретенной инвалидностью имеют более низкий уровень осмысленности жизни по сравнению с теми, кто родился с инвалидностью. Поскольку осмысленность жизни играет важную роль в психологической адаптации, это подчеркивает необходимость особого внимания к детям,

ставшим инвалидами в раннем возрасте. Также важно уделять внимание и детско-родительским отношениям, поскольку осмысленность жизни родителей влияет на способность ребенка с ОВЗ преодолевать психологические травмы. Эти же личностные ресурсы родителей способствуют их собственному посттравматическому росту. Особенно важны родительская толерантность к неопределенности, способность к совладанию с травмой, развитая жизнестойкость (Александрова, Лебедева, 2014).

Личностные характеристики родителей, особенно осмысленность жизни и жизнестойкость, выступают важным фактором как для психологического благополучия самого родителя, так и для успешной адаптации ребенка с ОВЗ — развитые личностные ресурсы родителей способствуют росту жизнестойкости у ребенка.

Заключение

Анализируя рассмотренные данные, отметим как общие закономерности, так и возрастную специфику проявлений психологической травмы. Независимо от возраста, травма нарушает базовое чувство безопасности, искажает самооценку и затрудняет социальную адаптацию. Однако механизмы и последствия травматизации существенно различаются на разных этапах развития. Во всех возрастах травма провоцирует тревожность, страхи, чувство вины и депрессивные состояния. Отмечаются когнитивные последствия: снижение познавательной активности, нарушения памяти и внимания, пессимистическое мышление. Выражены трудности в построении отношений со сверстниками и взрослыми, избегание контактов или агрессивное поведение, а также соматические проявления: нарушения сна, пищевого поведения, психосоматические симптомы (боли, тики, энурез). В области детско-родительских отношений гиперопека, непринятие или эмоциональная недоступность родителей усугубляют травматические последствия.

Отметим и некоторую возрастную специфику. С возрастом проявления психологической травмы, а также спектр событий, которые могут ее вызвать, становятся разнообразными. Так, в периоды младенчества и раннего возраста травма связана преимущественно с нарушениями привязанности, а ключевыми проявлениями выступают задержка развития, регрессия, двигательные нарушения. В последующих возрастах травма начинает проявляться в монотонных играх с повторением травматичного сюжета, появляются школьные трудности (снижение мотивации, избегание), усиление страхов, соматических симптомов. Появляются различные симптомы — от самоповреждений и рискованного поведения до депрессии и тревожных расстройств.

Для эффективной психологической помощи ребенку, перенесшему травму, необходимо учитывать возрастные маркеры травмы (например, регрессивное поведение у дошкольников, руминации у подростков), половые особенности (например, различия в симптомах интернализации у девочек и мальчиков), особенности детско-родительских отношений (тип воспитания, осмысленность жизни и жизнестойкость родителей, уровень родительской тревожности и пессимизма, наличие расстройств и психологических травм у родителей) и т. п.

Важна работа не только с ребенком, но и работа с его родителями (особенно матерями) для коррекции стиля привязанности и типа воспитания и транслируемых ребенку установок об окружающем мире, поскольку именно родительское отношение может усугубить переживание ребенком травмы или, наоборот, помочь преодолеть ее. Важно также и обучение

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

педагогов распознаванию признаков травмы (например, монотонные игры у дошкольников, избегание у младших школьников).

Анализ исследований показал, что основными направлениями помощи при работе с психологической травмой могут являться: развитие родительской компетентности, профилактика социальной изоляции, формирование адаптивных копинг-стратегий, поддержка жизнестойкости всех членов семьи.

Подводя итоги, отметим, что переживание психологической травмы в детстве — это динамический процесс, последствия которого зависят от возраста, типа травмы и социального контекста. Эффективная помощь требует не только работы с ребенком, но и изменения семейной системы, а также создания поддерживающей среды в образовательных учреждениях. Раннее вмешательство и учет возрастных особенностей позволяют минимизировать долгосрочные негативные эффекты и способствуют посттравматическому росту.

Список источников / References

1. Александрова, Л.А., Лебедева, А.А. (2014). Роль личности родителей в преодолении психологической травмы студентами с ограниченными возможностями здоровья. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология*, 8(2), 97—102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23133523> (дата обращения: 30.05.2025).
Aleksandrova, L.A., Lebedeva, A.A. (2014). The role of parents' personality in overcoming psychological trauma by students with disabilities. *Vestnik NSU: Psychology*, 8(2), 97—102. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23133523> (viewed: 30.05.2025).
2. Андреевская, Е. (2024). Проблема насилия подростка в образовательной среде (обзор). *Studia Universitatis Moldaviae (Seria Științe ale Educației)*, 9(169), 328—336. [https://doi.org/10.59295/sum9\(169\)2024_47](https://doi.org/10.59295/sum9(169)2024_47)
Andreevskaya, E. (2024). The problem of violence of a teenager in the educational environment (review). *Studia Universitatis Moldaviae (Seria Științe ale Educației)*, 9(169), 328—336. (In Russ.). [https://doi.org/10.59295/sum9\(169\)2024_47](https://doi.org/10.59295/sum9(169)2024_47)
3. Блейхер, В.М., Крук, И.В. (1995). *Толковый словарь психиатрических терминов*. Воронеж: НПО «Модэк».
Bleikher, V.M., Kruk, I.V. (1995). *Explanatory dictionary of psychiatric terms*. Voronezh: NPO "Modek" Publ. (In Russ.).
4. Вихарева, А.А., Вихарева, О.Н., Кузьмишина, Т.Л. (2023). Последствия детской психологической травмы во взрослом возрасте и ее взаимосвязь со всеми сферами жизни. *Инновационная наука*, 1-2, 95—97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50104254> (дата обращения: 30.05.2025).
Vikhareva, A.A., Vikhareva, O.N., Kuzmishina, T.L. (2023). The consequences of childhood psychological trauma in adulthood and its relationship with all spheres of life. *Innovative Science*, 1-2, 95—97. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50104254> (viewed: 30.05.2025).
5. Волков, Е.Н. (2002). Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие. *Журнал практического психолога*, 6, 183—199.
Volkov, E.N. (2002). Criteria, signs, definitions and classifications of harmful psychological effects: psychological trauma, psychological aggression and psychological violence. *Journal of a Practical Psychologist*, 6, 183—199. (In Russ.).

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

6. Вязовова, Н.В., Толстошеина, В.М., Котовская, С.В. (2017). Чувство уверенности как условие преодоления выученной беспомощности лиц с ограниченными возможностями здоровья. *Человек. Общество. Инклюзия*, 1(29), 166—176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29007832> (дата обращения: 30.05.2025).
Vyazovova, N.V., Tolstosheina, V.M., Kotovskaya, S.V. (2017). A sense of confidence as the condition of overcoming learned helplessness of persons with disabilities. *Human. Society. Inclusion*, 1(29), 166—176. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29007832> (viewed: 30.05.2025).
7. Добряков, И.В. (2024). Выявление признаков нарушения настроения и тревоги в детском и подростковом возрасте. В: Н.Г. Незнанов (ред.), *Диагностика и лечение психических и наркологических расстройств: современные подходы. Сборник методических рекомендаций*. Выпуск 7 (с. 295—324). СПб: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82644481> (дата обращения: 30.05.2025).
Dobryakov, I.V. (2024). Identification of signs of mood disorders and anxiety in childhood and adolescence. In: N.G. Neznanov (Ed.), *Diagnosis and treatment of mental and drug-related disorders: modern approaches. Collection of methodological recommendations*. Vol. 7 (pp. 295—324). Saint Petersburg: Publishing and printing company “COSTA”. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82644481> (viewed: 30.05.2025).
8. Дякина, Н.В. (2022). Диссоциация как защитный механизм при психических травмах. В: *Клиническая психология в здравоохранении, образовании и социальной сфере: онтогенетически ориентированные: Сборник докладов Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 17 февраля 2022 г.* (с. 99—111). Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48564709> (viewed: 30.05.2025).
Dyakina, N.V. (2022). Dissociation as a defense mechanism in mental trauma. *Clinical psychology in healthcare, education, and the social sphere: ontogenetically oriented. Collection of reports of the All-Russian Interdepartmental Scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, 2022, February 17* (pp. 99—111). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48564709> (viewed: 30.05.2025).
9. Егикян, М.А. (2015). Детская психологическая травма как основа формирования личности онкологического больного. *Вестник Университета*, 5, 310—315. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23893557> (дата обращения: 30.05.2025).
Egikyan, M.A. (2015). Infantile emotional scar as a basis of character training of cancer patient. *Vestnik Universiteta*, 5, 310—315. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23893557> (viewed: 30.05.2025).
10. Екимова, В.И., Лучникова, Е.П. (2020). Комплексная психологическая травма как последствие экстремального стресса. *Современная зарубежная психология*, 9(1), 50—61. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
Ekimova, V.I., Luchnikova, E.P. (2020) Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 9(1), 50—61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
11. Зимина, И.В., Кашеева, А.В. (2016). Формирование психологической устойчивости детей с ограниченными возможностями здоровья в преодолении трудных жизненных ситуаций. В: С.П. Акутина (ред.), *Инновации в современной науке: Материалы XII Международного*

- весеннего симпозиума (31 мая 2016 г.): Сборник научных трудов (с. 50—54). М.: Перо. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26401562> (viewed: 30.05.2025).
- Zimina, I.V., Kashcheeva, A.V. (2016). Formation of psychological stability of children with disabilities in overcoming difficult life situations. In: S.P. Akutina (Ed.), *Innovations in Modern Science: Proceedings of the XII International Spring Symposium (May 31, 2016): Collection of scientific papers* (pp. 50—54). Taganrog. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26401562> (viewed: 30.05.2025).
12. Кадыров, Р.В., Ковалев, И.А., Ильина, И.С. (2016). Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых. *Тихоокеанский медицинский журнал*, 4, 66—69. <https://doi.org/10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69>
- Kadyrov, R.V., Kovalev, I.A., Iina, I.S. (2016). Early psychic trauma and psychological characteristics of drug addicted personality. *Pacific Medical Journal*, 4, 66—69. (In Russ.). <https://doi.org/10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69>
13. Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. (Ред.). (1998). *Краткий психологический словарь*. Ростов-на-Дону: ФЕНИКС.
- Petrovsky, A.V., Yaroshevsky, M.G. (Eds.). (1998). *Brief Dictionary of Psychology*. Rostov-on-Don: FENIKS Publ. (In Russ.).
14. Коджаспирова, Г.М., Коджаспиров, А.Ю. (2005). *Педагогический словарь* (2-е изд.). М.: Академия.
- Kodzhaspirova, G.M., Kodzhaspirov, A.Yu. (2005). *Pedagogical dictionary* (2nd ed.). Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.).
15. Краева, М.Ю. (2015). К вопросу о «позитивности» Я-концепции детей, переживших психологическую травму. *Прикладная юридическая психология*, 1, 100—107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23217519> (дата обращения: 30.05.2025).
- Kraeva, M.Yu. (2015). To the question of “positivity” self-concept of children who have experienced psychological damage. *Applied Legal Psychology*, 1, 100—107. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23217519> (viewed: 30.05.2025).
16. Кузнецова, С.О., Мустафина, К.А., Такмакова, М.В. (2022). Взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждающего поведения с психологическими травмами, пережитыми в детском возрасте. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3, 479—493. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-479-493>
- Kuznetsova, S.O., Mustafina, K.A., Takmakova, M.V. (2022). The relationship of body modification and self-harming behavior with psychological traumas experienced in childhood. *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3, 479—493. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-479-493>
17. Мариничева, А.А. (2024). Травматические события современного мира, приводящие младших школьников (8-10 лет) к психологической травме. *Вестник науки*, 2(2(71)), 423—430. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60039542> (дата обращения: 30.05.2025).
- Marinicheva, A.A. (2024). Traumatic events of the modern world leading to younger schoolchildren (8-10 years old) to psychological trauma. *Science Bulletin*, 2(2(71)), 423—430. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60039542> (viewed: 30.05.2025).
18. Миназова, В.М. (2017). Психическая травма детей: возрастной аспект. *Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*, 2(6), 112—115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30772412> (дата обращения: 30.05.2025).
- Minazova, V.M. (2017). Mental trauma of children: the age aspect. *News of Kadyrov Chechen*

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

State University, 2(6), 112—115. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30772412> (viewed: 30.05.2025).

19. Молокостова, А.М., Гаджиева, М. (2019). Нарушение привязанности в диаде «мать-дитя» как психологическая травма и ее трансгенерация. *Семья и личность: проблемы взаимодействия*, 16, 51—59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41671478> (дата обращения: 30.05.2025).
Molokostova, A.M., Gadzhieva, M. (2019). Attachment disorder in the mother-child dyad as a psychological trauma and its transgeneration. *Family and Personality: Problems of Interaction*, 16, 51—59. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41671478> (viewed: 30.05.2025).
20. Москалев, С.В. (2017). Особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у детей дошкольного возраста. В: *Материалы международного научного форума обучающихся «Молодежь в науке и творчестве» (27 апреля 2016 г.): сборник научных статей* (с. 378—379). Гжель: ГГУ. URL: <https://elibrary.ru/yozdwl> (дата обращения: 30.05.2025).
Moskalev, S.V. (2017). Features of the manifestation of post-traumatic stress disorder in preschool children. In: *Materials of the international scientific forum of students "Youth in science and creativity": (April 27, 2016): collection of scientific articles* (pp. 378—379). Gzhel: Gzhel State University Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/yozdwl> (viewed: 30.05.2025).
21. Петрова, Е.А. (2016). Влияние детского травматического опыта на формирование психопатологической симптоматики взрослых людей. *Вестник Новгородского государственного университета*, 2(93), 88—91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26084057> (дата обращения: 30.05.2025).
Petrova, E.A. (2016). Impact of children traumatic experience on the formation of psychopathology of adults. *Vestnik NovSU*, 2(93), 88—91. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26084057> (viewed: 30.05.2025).
22. Рахметулина, А.А. (2010). Влияние психологической травмы на поведение соматически ослабленных детей дошкольного возраста. В: *Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: материалы международной научно-практической конференции* (с. 140—143). Пенза — Ереван — Прага: ООО Научно-издательский центр «Социосфера». URL: <https://elibrary.ru/pajpnr> (дата обращения: 30.05.2025).
Rakhmetulina, A.A. (2010). The influence of psychological trauma on the behavior of somatically weakened preschool children. In: *Family in the context of pedagogical, psychological and sociological research: proceedings of the International Scientific and practical conference* (pp. 140—143). Penza — Yerevan — Prague: Sociosphere Scientific Publishing Center LLC. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/pajpnr> (viewed: 30.05.2025).
23. Сасина, К.В. (2018). Стресс и стрессовая ситуация в детском возрасте: особенности и специфика реагирования. *Молодежная наука: тенденции развития*, 1, 11—19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35086297> (дата обращения: 30.05.2025).
Sasina, K.V. (2018). Stress and stressful situation in childhood: features and specificity of reaction. *Youth Science: Development Trends*, 1, 11—19. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35086297> (viewed: 30.05.2025).
24. Сердюкова, А.С. (2021). Психическая травма и ее природа. В: *Фундаментальные научные исследования. Сборник научных трудов по материалам XXXIV Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 15 марта 2021 г.)*. (с. 54—59). Анапа:

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

Издательство «НИЦ ЭСП» в ЮФО. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45621553> (дата обращения: 30.05.2025).

Serdyukova, A.S. (2021). Mental trauma and its nature. In: *Fundamental scientific research. Collection of scientific papers based on the materials of the XXXIV International scientific and practical conference (Anapa, March 15, 2021)* (pp. 54—59). Anapa: “NITs ESP” v YuFO Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45621553> (viewed: 30.05.2025).

25. Смолькова, Е.В. (2017). Психологическая травма детства: причины, последствия, советы по преодолению. В: *Современные проблемы инновационного развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (23 июня 2017 г., г. Волгоград): В 3 ч.: Ч. 2* (с. 166—168). Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29377533> (дата обращения: 30.05.2025).

Smolkova, E.V. (2017). Psychological trauma of childhood: causes, consequences, tips for overcoming. In: *Modern problems of innovative development of science: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (June 23, 2017, Volgograd): In 3 vols.: Vol. 2* (pp. 166—168). Ufa: MTsII OMEGA SAINS. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29377533> (viewed: 30.05.2025).

26. Столяренко, А.М. (2003). *Энциклопедия юридической психологии*. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Stolyarenko, A.M. (2003). *Encyclopedia of Legal Psychology*. Moscow: YuNITI-DANA. (In Russ.).

27. Сурова, Т.С. (2021). Руминации как следствие детской психологической травмы: феномен «мысленного самоужаливания» и адаптивное мышление. В: *Общество, педагогика, психология: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 28 мая 2021 г.)* (с. 385—388). Чебоксары: ИД «Среда», 2021. <https://doi.org/10.31483/r-98707>

Surova, T.S. (2021). Rumination as a consequence of childhood psychological trauma: the phenomenon of “mental self-improvement” and adaptive thinking. In: *Society, pedagogy, psychology: theory and practice: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (Cheboksary, May 28, 2021)* (pp. 385—388). Cheboksary: “Sreda” Publishing House, 2021. (In Russ.). <https://doi.org/10.31483/r-98707>

28. Точиева, М.М., Цечоева, Р.Х. (2021). Психолого-педагогическая работа по коррекции эмоционального реагирования старших дошкольников на психические травмы. *Мир науки, культуры, образования*, 2(87), 250—251. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-250-251>

Tochieva, M.M., Tsechoeva, R.Kh. (2021). Psychological and educational work on correction of the emotional response of senior preschoolers to mental trauma. *World of Science, Culture and Education*, 2(87), 250—251. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-250-251>

29. Федунина, Н.Ю., Бурмистрова, Е.В. (2005). Психическая травма. К истории вопроса. *Московский психотерапевтический журнал*, 1, 164—190. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2005_n2/2600 (дата обращения: 30.05.2025).

Fedunina, N.Yu., Burmistrova, E.V. (2005). Mental trauma. To the history of the issue. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 1, 164—190. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2005_n2/2600 (viewed: 30.05.2025).

30. Хажуев, И.С. (2017). Интенсивный стресс и копинг-стратегии с учетом тяжести травматического опыта в контексте психологической безопасности личности. *Международный научно-исследовательский журнал*, 12(66-2), 78—82.

<https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.66.088>

Khazhuyev, I.S. (2017). Intensive stress and coping strategies considering traumatic experience in context of psychological security of person. *International Research Journal*, 12(66-2), 78—82. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.66.088>

31. Якунин, К.А., Новикова, М.В. (2014). Аспекты психотерапевтической помощи детям, пережившим тяжелую психологическую травму. *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*, 13(3), 88—96. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22760260> (дата обращения: 30.05.2025).
Yakunin, K.A., Novikova, M.V. (2014). Aspects of psychoterapeutic care in children with a severe psychological trauma. *Vestnik of the Smolensk State Medical Academy*, 13(3), 88—96. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22760260> (viewed: 30.05.2025).
32. Banker, J., Witting, A.B., Jensen, J. (2019). Hormones and childhood trauma: links between the physical and psychological. *The Family Journal*, 27(3), 300—308. <https://doi.org/10.1177/10664807198440>
33. Dozio, E., Feldman, M., Viaux-Savelon, S., Bizouerne, C., Mansouri, M., Moro, M.R., Radjack, R. (2024). The Transmission Mechanisms of War Trauma in Early Mother–Child Interactions, Observed Through the Coding Interactive Behaviour Scale. *Child Care in Practice*, 1—20. <https://doi.org/10.1080/13575279.2024.2402473>
34. Dyregrov, A., Mitchell, J.T. (1992). Work with traumatized children – Psychological effects and coping strategies. *Journal of Traumatic Stress*, 5(1), 5—17. <https://doi.org/10.1002/jts.2490050103>
35. Finch, K., Lawrence, D., Williams, M.O., Thompson, A.R., Hartwright, C. (2024). Relationships between adverse childhood experiences, attachment, resilience, psychological distress and trauma among forensic mental health populations. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*, 35(5), 660—684. <https://doi.org/10.1080/14789949.2024.2365149>
36. Gonzalez, A., Monzon, N., Solis, D., Jaycox, L., Langley, A.K. (2016). Trauma exposure in elementary school children: Description of screening procedures, level of exposure, and posttraumatic stress symptoms. *School Mental Health*, 8(1), 77—88. <https://doi.org/10.1007/s12310-015-9167-7>
37. Harris, G.A. (2006). Early childhood emotional trauma: an important factor in the aetiology of cancer and other diseases. *European Journal of Clinical Hypnosis*, 7(2), 2—11.
38. Hart, O. van der, Brown, P. (1991). Concept of psychological trauma. *The American Journal of Psychiatry*, 147(12), 1691. <https://doi.org/10.1176/ajp.147.12.1691a>
39. Josse, E. (2011). *Le traumatisme psychique: chez le nourrisson, l'enfant et l'adolescent*. Bruxelles De Boeck Supérieur.
40. Lester, P., Aralis, H., Hajal, N., Bursch, B., Milburn, N., Paley, B., Sinclair Cortez, M., Barrera, W., Kiff, C., Beardslee, W., Mogil, C. (2024). Multiple Informant Cluster Analysis Findings: Which Military-Connected Preschool Aged Children Are Doing Well and Why? *Journal of Child and Family Studies*, 33, 3665—3678. <https://doi.org/10.1007/s10826-024-02902-2>
41. Melamed, D.M., Botting, J., Lofthouse, K., Pass, L., Meiser-Stedman, R. (2024). The relationship between negative self-concept, trauma, and maltreatment in children and adolescents: A meta-analysis. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 27(1), 220—234. <https://doi.org/10.1007/s10567-024-00472-9>

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

42. Nelson, S., Agoston, M., Kovar-Gough, I., Cunningham, N. (2022). A scoping review and proposed framework for coping in youth with a history of psychological trauma and chronic pain. *Journal of Pediatric Psychology*, 47(4), 469—482. <https://doi.org/10.1093/jpepsy/jsab127>
43. Sun, Y., Blewitt, C., Minson, V., Bajayo, R., Cameron, L., Skouteris, H. (2024). Trauma-informed interventions in early childhood education and care settings: A scoping review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 25(1), 648—662. <https://doi.org/10.1177/15248380231162967>
44. Sun, Y., Tamblyn, A., Morris, H., Boothby, C., Skouteris, H., Blewitt, C. (2023). Early childhood and primary school Teachers' experiences and needs in working with trauma-impacted Children: A systematic review and thematic synthesis. *Children and Youth Services Review*, 156(1), Article 107344. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2023.107344>
45. Temelturk, R.D., Uytun, M.C., Yürümez, E., Zengin, N.D., Buyukkal, U., Oztop, D. (2025). Psychological impact of disaster and migration on preschool children following the 2023 Turkey earthquakes. *Cambridge Prisms: Global Mental Health*, 12, e20. <https://doi.org/10.1017/gmh.2025.13>
46. Valdes, V., Sacks, D.D., Nelson, C.A., Enlow, M.B. (2024). Stress timing, trauma exposure, and family resilience differentially affect internalizing and externalizing symptoms at 3, 5, and 7 years of age. *Communications Psychology*, 2(1), Article 103. <https://doi.org/10.1038/s44271-024-00151-z>

Информация об авторах

Юлия Андреевна Кочетова, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Мария Вячеславовна Климакова, старший преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Елизавета Андреевна Емельянова, старший преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуковой, факультет психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5742-5630>, e-mail: emelyanovaea@mgppu.ru

Information about the authors

Yulia A. Kochetova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Maria V. Klimakova, Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of

Кочетова Ю.А., Климакова М.В.,
Емельянова Е.А. (2025)
Психологическая травма в разные периоды детства
Социальные науки и детство, 6(2), 27—48.

Kochetova Yu.A., Klimakova M.V.,
Emelianova E.A. (2025)
Psychological trauma in different periods of childhood
Social Sciences and Childhood, 6(2), 27—48.

Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Elizaveta A. Emelianova, Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5742-5630>, e-mail: emelyanovaea@mgppu.ru

Вклад авторов

Кочетова Ю.А. — идеи исследования; аннотирование, контроль за проведением исследования; написание рукописи.

Климакова М.В. — анализ теоретических источников литературы по теме исследования; написание и оформление рукописи.

Емельянова Е.А. — написание и оформление рукописи; правка и корректировка данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Yulia A. Kochetova — ideas; annotation, research ideas; annotation, supervision of research; writing of the manuscript.

Maria V. Klimakova — analysis of theoretical literature sources on the research topic; writing and design of the manuscript.

Elizaveta A. Emelianova — writing and formatting a manuscript; editing and correcting data.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 10.08.2025
Поступила после рецензирования 20.08.2025
Принята к публикации 20.08.2025
Опубликована 29.08.2025

Received 2025.08.10
Revised 2025.08.20
Accepted 2025.08.20
Published 2025.08.29

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

**Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей**

Е.И. Николаева¹, Е.А. Дыденкова¹, Г.В. Семья²✉

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ gvsemita@ya.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Вопрос выбора родителей для приемных детей остается важным аспектом социальной политики и психологии развития ребенка. Биологические и социальные факторы оказывают значительное влияние на формирование материнского поведения. Среди биологических основ выделяются такие процессы, как импринтинг, привязанность, гормональные изменения во время беременности, родов и лактации, а также индивидуальные черты характера и когнитивные способности матери. Однако именно социальные условия позволяют ребенку усвоить нормы и ценности конкретного общества. Задача исследования состояла в выявлении различий между биологическими матерями и двумя категориями замещающих матерей — теми, кто воспитывает исключительно приемных детей, и теми, кто совмещает воспитание приемных и собственных детей. **Цель.** Выявление влияния биологических и социальных факторов на эффективность воспитания приемных детей среди различных групп матерей. **Гипотеза.** Эффективность воспитания приемных детей связана с наличием родных детей у замещающих матерей и их биологическими и социодемографическими характеристиками. **Методы и материалы.** Исследование проводилось на выборке из 109 матерей, включая 52 замещающих и 57 биологических матерей. Возраст участников варьировался: замещающие матери были значительно старше (средний возраст — около 47 лет), в отличие от биологических матерей (около 37 лет). Замещающие матери имели более низкое образование, большее количество детей и чаще оказывались незамужними. Участники проходили тестирование на рабочую память, механизмы торможения и свойства темперамента. **Результаты.** Анализ показал, что матери, воспитывающие родившихся детей, отличаются большим объемом рабочей памяти и лучшими способностями к обучению в сравнении с

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

замещающими матерями. Наиболее выраженный дефицит сенсорной чувствительности наблюдался у матерей, воспитывающих одновременно родных и приемных детей, что предполагает повышенный риск эмоционального истощения («выгорания») в данной группе. **Выводы.** Полученные данные подчеркивают необходимость учета индивидуальных характеристик матерей при подборе кандидатов на усыновление и важность поддержки семейных пар, занимающихся совместным воспитанием родных и приемных детей, для предотвращения синдрома профессионального выгорания.

Ключевые слова: приемные матери, исполнительные функции, тормозный контроль, рабочая память, темперамент, выгорание

Для цитирования: Николаева, Е.И., Дыденкова, Е.А., Семья, Г.В. (2025). Психофизиологические основания воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. *Социальные науки и детство*, 6(2), 49—70. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060203>

Psychophysiological foundations of parenting for children without parental care

E.I. Nikolaeva¹, E.A. Dydenkova¹, G.V. Semya²✉

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ gvsema@ya.ru

Abstract

Context and relevance. The issue of selecting parents for adopted children remains an important aspect of social policy and child development psychology. Biological and social factors significantly influence the formation of maternal behavior. Among biological foundations are processes such as imprinting, attachment, hormonal changes during pregnancy, childbirth, and lactation, along with individual character traits and cognitive abilities of mothers. However, it is precisely the social conditions that allow a child to absorb the norms and values of a particular society. The aim of this study was to identify differences between biological mothers and two categories of substitute mothers — those who raise only adopted children and those who combine raising both their own and adopted children. **Objective.** To investigate the peculiarities of parental competency formation among different groups of mothers and determine the impact of biological and social factors on the effectiveness of fostering adopted children. **Hypothesis.** The effectiveness of parenting of adopted children is related to the presence of native children of substitute mothers and their biological and sociodemographic characteristics. **Methods and materials.** The research involved a sample of 109 mothers, including 52 substitute mothers and 57 biological mothers. There were significant age variations: substitute mothers had an average age of about 47 years compared to biological mothers at approximately 37 years old. Substitute mothers exhibited lower levels of education, more children, and higher rates of being unmarried. Participants underwent testing focused on working memory capacity, inhibition mechanisms, and temperament characteristics. **Results.** Analysis revealed

that mothers raising birth children demonstrated greater working memory volume and better learning capabilities when compared to substitute mothers. The most pronounced deficit in sensory sensitivity was observed among mothers simultaneously raising both birth and adopted children, suggesting a heightened risk of emotional burnout within this group. **Conclusions.** These findings highlight the importance of considering individual motherly characteristics when selecting candidates for adoption and emphasize the need for support programs aimed at preventing professional burnout syndrome among couples engaged in combined parenting of birth and adopted children.

Keywords: adoptive mothers, executive functions, inhibitory control, working memory, temperament, burnout

For citation: Nikolaeva, E.I., Dydenkova, E.A., Semya, G.V. (2025). Psychophysiological foundations of parenting for children without parental care. *Social Sciences and Childhood*, 6(2), 49—70. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060203>

Введение

Проблема поддержки детей, оказавшихся в силу разных причин без попечения родителей, с одной стороны, требует немедленных решений, поскольку институционализация представляется травмирующим фактором для ребенка со всеми вытекающими последствиями, с другой — нуждается в подробной проработке теоретических позиций, на основе которых будут проводиться практические действия в отношении этих детей. Значимость этой проблемы представлена во многих исследованиях (Махнач и др., 2015; Мухамедрахимов и др., 2020; Николаева, Япарова, 2013; Ослон и др., 2023; Ослон и др., 2024; Семья, 2021; Семья и др., 2024).

Институт приемного родительства ставит теоретический вопрос о влиянии биологических и социальных факторов на формирование взаимодействия «ребенок-взрослый» (Семья и др., 2021; Lu et al., 2023). Ответ на него позволит выбирать для ребенка, по той или иной причине лишившегося воспитания в семье биологическими родителями, наиболее адекватную замещающую семью и снизить риск последствий смены условий проживания в разных семейных системах (Lyttle et al., 2024; Vreeland et al., 2020).

Несмотря на давно продолжающиеся поиски критериев для идеального совпадения возможностей ребенка и потенциала приемной семьи (Machemer et al., 2024; Gouveia et al., 2021; Bergström et al., 2020), защитная функция приемной семьи не всегда успешно реализуется (Engler et al., 2022; Dubois-Comtois et al., 2021).

В этой связи в рамках данной статьи планируется рассмотреть основные биологические факторы, влияющие на развитие ребенка и его отношения с родителями. Затем — обсуждать влияние социальных факторов, среди которых основное внимание уделяется особенностям матери как ключевой фигуры в социальной среде ребенка. Фокус внимания будет нацелен на исполнительских функциях приемной матери (Diamond, 2013; Cristofori et al., 2019) как предикторе гибкого и стрессоустойчивого поведения, ожидаемого от нее в условиях замещающего родительства для детей с опытом пребывания в неблагополучной семье или институционализации, и ее темпераментальных особенностях.

С одной стороны, очевидна значимость именно биологических факторов в формировании качества отношений между ухаживающим взрослым и ребенком. В рамках теории импринтинга ребенок запечатлевает образ родителя как идеальный объект, на поведение

которого необходимо ориентироваться и требования которого следует неукоснительно выполнять (Siuckin, 2017).

Императивность такого отношения к родителю обусловлена тем, что импринтинг связан с активацией структур среднего мозга, недоступных для осознания и в более позднем возрасте (Keverne et al., 1996). Если импринтинг — достаточно ограниченный период времени формирования образа родителя, то, согласно теории привязанности Дж. Боулби, дальнейший процесс направленности ребенка в сторону ухаживающего за ним взрослого — привязанность — длится полтора-два года (Bowlby, 1953). Эволюционная значимость этих механизмов обусловлена не только их важностью для выживания ребенка, но и их возможностями, позволяющими ребенку стать частью сообщества, к которому принадлежат его родители, и полностью принять ее, сколько уникальной и странной она ни казалась бы внешнему наблюдателю (Выготский, 1996; Granqvist, 2021).

Если биологические механизмы способствуют выбору объекта привязанности, на который нужно ориентироваться, чтобы стать частью сообщества, то социальные детерминанты (Rogers et al., 2024), например, реализованные через тактильный контакт матери и ребенка (Cascio et al., 2019), обеспечивают сам путь вхождения в конкретный социум через освоение определенных ролей, принятие конкретных правил, что в конце концов влияет на формирование социальной идентичности (Ulmer-Yaniv et al., 2022; Hodson, Earle, 2020).

Вероятно, наиболее значимым и одновременно уязвимым биологическим преимуществом матерей является предшествующий воспитанию ребенка эндокринный прайминг в виде беременности, родов и лактации (Martínez-García et al., 2022). Например, сбалансированные материнские репрезентации ребенка в период его вынашивания влияют на его эмоциональное и социальное поведение в полтора года (Lindstedt et al., 2024), однако как материнские репрезентации ребенка, так и его будущая социальная компетентность чувствительны к стрессовым событиям в жизни матери в период беременности и сразу после рождения ребенка (Bailes et al., 2024; Guyon-Harris et al., 2022; Fransson et al., 2020; Manzari et al., 2019).

Множественные долгосрочные изменения в мозге будущей матери называют репродуктивной пластичностью мозга и связывают с активацией глобальной нейрональной сети «родительской заботы» в мозге (Glasper et al., 2019; Young et al., 2017; Feldman, 2015), что обычно вызывает у матери комплекс мощнейших эмоциональных ощущений, которые способствуют формированию привязанности, эмоциональному взаимодействию, защите ребенка, с одной стороны (Barrett, Fleming, 2011), а с другой — создают условия для развития различных психических расстройств, если что-то после рождения ребенка пойдет вразрез с ожиданиями матери (Сорокина, 2021; Barba-Müller et al., 2019), либо материнского выгорания (Мамонова, Колесникова, 2023; Никитская, Дорошенко, 2021; Петрусева и др., 2021), что в конечном итоге приведет к нарушению развития ребенка. Последствия неадекватного родительства для развития ребенка многократно описаны ранее (Ослон и др., 2022; Касаркина, Бистайкина, 2025).

Очевидно, что приемная мать иначе проживает эти ощущения по отношению к ребенку, поскольку между ней и ребенком не существует прочной биологической связи. Показано, что приемной матери требовалось задействовать больше когнитивных и аффективных ресурсов для анализа плача ребенка (Hernández-González et al., 2016), хотя уровень окситоцина у приемной матери при просмотре фото младенцев даже выше, чем у биологической матери в подобной ситуации (Bick et al., 2013). Все это может свидетельствовать о повышенном мотивированном внимании у приемной матери к стимулам, связанным с младенцем. Это

особенно любопытно в свете другого биологического фактора, связанного с теорией родственного отбора (Hamilton, 1964; Eberhard, 1975), которая предсказывает более низкую включенность и внимание родителей по отношению к неродным детям по сравнению с родными. Следовательно, приемные родители могут быть менее мотивированы обеспечивать оптимальный уход за приемными детьми в связи с тем, что те не являются носителями копий их генов. Однако результаты исследований (Segal et al., 2015; Blythe et al., 2013; Soares et al., 2023) свидетельствуют о том, что возникающее желание принять приемного ребенка стало результатом растущего желания стать родителем, которое имеет биологическую природу с потребностью принять неродных детей. На возникновение такого чувства влияет возраст ребенка при размещении (чем раньше, тем больше вероятность принятия) (Dozier, Lindhiem, 2006). Чем менее он травмирован предыдущими обстоятельствами, чем меньшее число детей в приемной семье (Dozier, Lindhiem, 2006), чем выше стрессоустойчивость родителя (Gabler et al., 2014) и соответствие темперамента матери темпераменту ребенка (Gabler et al., 2014; Ponciano et al., 2010), тем больше вероятность развития надежной привязанности между приемным родителем и неродным для него ребенком (West et al., 2020).

В большом исследовании с помощью опросника профессиональных предпочтений Холланда приемных матерей и женщин, воспитывающих родных детей (Wiehe, 1983), разделили на две группы: более старших (после 41 года) и более молодых (до 41 года). Приемные матери набрали значительно больше баллов, чем неприемные матери, по социальной шкале, но и значимо ниже по шкале предприимчивости. Младшая когорта приемных матерей отличалась от старших, получив более высокие баллы по реалистичным, социальным, предприимчивым и артистическим шкалам. Такие высокие баллы отражают характеристики личности, весьма подходящие для замещающих родителей. Эти характеристики также предполагают, что молодые приемные матери занимают более активную позицию в данной роли, что может быть полезно для внесения необходимых изменений в систему приемных семей.

Доказано, что у биологических матерей исполнительные функции так или иначе связаны с особенностями когнитивных процессов детей. Иными словами, материнская исполнительная функция позволяет сделать прогноз особенностей организации родительской деятельности и, как следствие, особенностей всестороннего развития ребенка, включая сформированность его собственных исполнительных функций (Kogucu et al., 2020; Distefano et al., 2018).

Исполнительными функциями называются функции, которые, с одной стороны, управляют когнитивными процессами более высокого порядка (например, внимание, память), с другой стороны, являются основой для развития функций более высокого порядка, таких как целеполагание и планирование (Николаева, Вергунов, 2017). Среди исполнительных функций выделяют тормозный контроль и рабочую память.

Тормозный контроль матери положительно связан с готовностью детей к школе и познавательным интересом ребенка (Jones-Gordils et al., 2021), отрицательно — с количеством конфликтов с детьми (Guss et al., 2020) и отсутствием дисциплины в доме (Deater-Deckard et al., 2012). Низкий объем рабочей памяти матери связан с трудностями в регулировании эмоций и поведения, тем самым негативно влияя на методы воспитания, и приводит к неблагоприятным результатам для ребенка (Chary et al., 2020).

В более ранних исследованиях проводилось сравнение семей, которые, несмотря на трудности, возникающие при адаптации приемного ребенка, стремились оставить его в семье, и семьи, где размещение завершилось расставанием. Центральной характеристикой приемной

мамы, сумевшей принять ребенка, оказалась когнитивная гибкость и воспитание только приемных детей, тогда как семьи, которые расставались с ребенком, имели много ригидных установок и очень часто одновременно воспитывали родных и неродных детей (Николаева, Япарова, 2007). Кроме того, дети, пережившие ранний стресс, с трудом могли соответствовать узким рамкам требований проживания в семье приемных родителей, имеющих представления о поведении ребенка и собственной роли в их воспитании. Все это свидетельствует о важности личностных характеристик приемной матери и ее темперамента для благополучия ребенка в приемной семье (Schofield & Beek, 2005).

Однако сопоставлений исполнительных функций у приемных матерей и их приемных детей нет. При этом именно приемная мать работает с проблемным ребенком, который был отлучен от необходимого биологического взаимодействия, процесс воспитания которого сопряжен со значительными стрессорами (Sharda, 2022; Goemans et al., 2018) и тенденцией к снижению важных родительских компетенций (Sharda, 2022; Midgley et al., 2021). Выполнение функции приемной матери требует всесторонней подготовки, включая процесс формирования привязанности с приемным ребенком (Staines et al., 2019), умение справляться с трудностями поведения (Schoemaker et al., 2020; Solomon et al., 2017) и нарушениями регуляции стресса у ребенка, кроме того, нужно справляться с собственным стрессом (Lyttle et al., 2024; Machemer et al., 2023). В основе перечисленных компетенций находятся умение адаптироваться к меняющимся условиям, толерантность к неопределенности, устойчивость к стрессовым факторам, а это все объясняют исполнительные функции.

Возникает вопрос о том, как поступать социальным службам в случае девиантного родительства? Известно, что передача ребенка родственникам в данном случае не всегда приносит положительные результаты, и есть свидетельства более эффективного воспитания ребенка в приемной семье по отношению к воспитанию в семье родственников (Chateauneuf et al., 2018; Höjer, 2009).

До сих пор не стихает дискуссия о возможных вариантах траектории жизни приемного ребенка, и есть достаточное число исследований, авторы которых настаивают на том, что наиболее эффективный выход в данном случае — реабилитация родителей, тогда как дети на время реабилитации родителей воспитываются в фостерной (профессиональной) семье (Höjer, 2009; Bengtsson, Karmsteen, 2020; Weitz, Karlsson, 2021).

В данном исследовании мы попытались сравнить замещающих матерей (опекающих детей из учреждений) и биологических матерей (контрольная группа) по демографическим характеристикам, структуре семьи и особенностям воспитания. Мы попытались выяснить состояние замещающих матерей, воспитывающих только приемных детей, и матерей, воспитывающих одновременно родных и приемных детей.

Материалы и методы

Матерей для участия в исследовании находили через родительские сообщества в Нижнем Новгороде. В исследовании приняли участие 109 матерей, из которых 52 матери ($47,4 \pm 6,2$ года) имеют опыт замещающего родительства продолжительностью от 1 до 177 месяцев ($54,3 \pm 33,2$ месяца). Ни одна из замещающих матерей не имела дальнего родства с ребенком, помещенным в учреждение (Cooley, Krysik, 2022), и опыта совместного воспитания ребенка с биологическими родителями (Chateauneuf et al., 2018), что в контексте данного исследования означает отсутствие дополнительного стресса, вызванного конкуренцией за привязанность

ребенка (Höjer, 2009). Контрольную группу составили 57 биологических матерей ($36,7 \pm 4,2$ года), не имеющих опыта замещающего родительства.

Исследование проводилось на дому у каждой участницы. В день визита мать подписывала информированное согласие на свое участие в исследовании. Проект одобрен этическим комитетом РГПУ им. А.И. Герцена (IRB 00011060, протокол № 1 от 27.11.2023).

Как видно из табл. 1, замещающие матери старше биологических матерей в среднем на десять лет жизни ($U = 46$; $p < 0,001$), независимо от возрастной группы детей. Возраст матери не являлся критерием исключения из выборки, поскольку данные показывают, что реализация решения о замещающем родительстве чаще наблюдается в более зрелом возрасте, когда собственные дети вырастают, покидают родительский дом, и родители принимают решение о приеме детей (Николаева, Япарова, 2007).

Таблица 1 / Table 1

Характеристика выборки
Sample characteristics

Показатель / Indicator	Кровные матери / Birth Mothers (n = 57)	Матери, воспитывающие приемных детей / Mothers with adopted children (n = 52)	Значимость / Significance
Возраст матери (M ± SD, годы) / Mother's age (M ± SD, yrs.)	36,7 ± 4,2	47,4 ± 6,2	U = 46; p < 0,001
Уровень образования матери — наличие высшего образования / Education level — higher education	52	39	Хи-квадрат Пирсона / Pearson Chi-Square = 5,2; p = 0,02
Семейный статус / Marital status	замужем / married — 33 одинокое / single — 24	замужем / married — 19 одинокое / single — 33	Хи-квадрат Пирсона / Pearson Chi-Square = 5,0; p = 0,03
Длительность приемного родительства (M ± SD, месяцы) / Duration of foster parenting (M ± SD, months)	—	54,3 ± 33,2, от 1 до 177	—
Возраст детей (M ± SD, годы) / Child's age (M ± SD, yrs.)	7,6 ± 3,2 (от 4,2 до 15,9)	9,2 ± 3,5 (от 4,5 до 15,8)	U = 23; p = 0,001
Число детей в семье / Number of children per family	1,9 ± 0,9	3,9 ± 4,1	U = 25; p = 0,007

Из анализа таблицы можно заключить, что среди биологических матерей чаще встречались женщины с высшим образованием (52 из 57 против 39 из 52; $p = 0,02$). Биологические матери

чаще состояли в браке (33 из 57 против 19 из 52; $p = 0,03$). Замещающие матери воспитывали больше детей ($3,9 \pm 4,1$) по сравнению с биологическими ($1,9 \pm 0,9$) ($p = 0,007$).

В табл. 2 приведены характеристики матерей, воспитывающих родных и приемных или только приемных детей.

Таблица 2 / Table 2

**Характеристики матерей, воспитывающих только приемных (ПМ)
или приемных и родных (РПМ) детей одновременно
Characteristics of mothers raising only adopted children (MAC)
or both adopted and biological children simultaneously (MABC)**

Показатели / Indicators		ПМ / MAC (n = 22)	РПМ / MABC (n = 30)	Значимость / Significance
Возраст матери (M \pm SD, годы) / Mother's age (M \pm SD, years)		46,1 \pm 6,1	49,9 \pm 5,7	F = 94,2; $p < 0,001$; JH = -3,85; $p = 0,013$;
Уровень образования матери — наличие высшего образования / Education level — higher education		n = 22	n = 17	Хи-квадрат Пирсона (Pearson Chi-Square) = 23,2; $p < 0,001$
Семейный статус / Marital status		замужем / married — 15 одинокое / single — 7	замужем / married — 4 одинокое / single — 26	Хи-квадрат Пирсона (Pearson Chi-Square) = 20,5; $p < 0,001$
Длительность приемного родительства (M \pm SD, месяцы) / Duration of foster parenting (M \pm SD, months)		52,1 \pm 27,0, от 1 до 109	58,3 \pm 42,8, от 1 до 177	U = 83; $p = 0,9$
Число детей в семье / Number of children in the family		2,2 \pm 1,3	6,9 \pm 5,7	F = 12,3; $p < 0,001$; JH = -4,7; $p < 0,001$
Возраст детей (M \pm SD, годы) / Children's age (M \pm SD, years)		8,4 \pm 3,1 (от 4,5 до 15,7)	10,8 \pm 3,7 (от 4,9 до 15,8)	F = 8,4; $p < 0,001$; JH = -2,4; $p = 0,012$
Возраст начала институциона- лизации детей (помещение в детский дом) / Age at institutionalizer in an orphanage or childcare institution)	Ранняя институционализация / Early institutionalization (10,6 \pm 6,9 месяцев / months)	n = 27 (48%)	n = 13 (43%)	Точный тест Фишера / Fisher Exact Test, $p = 0,8$
	Поздняя институционализация / Late institutionalization (49,3 \pm 30,6 месяцев / months)	n = 29 (52%)	n = 17 (57%)	

Анализ табл. 2 позволяет сделать выводы об особенностях двух групп замещающих матерей. Приемные матери, воспитывающие только приемных детей, моложе, все с высшим образованием, чаще замужем, имеют меньшее число детей ($2,2 \pm 1,3$). Приемные матери, воспитывающие родных и приемных детей одновременно, старше, реже имеют высшее образование, чаще одиноки, воспитывают больше детей в семье ($6,9 \pm 5,7$). При этом стоит отметить, что у них примерно равное число детей с ранней и поздней институционализацией. При этом необходимо помнить, что ранняя институционализация ведет к большему числу проблем у детей в подростковом возрасте (Dydenkova et al., 2024).

Характеристики детей

Возраст: Дети замещающих матерей были старше ($9,2 \pm 3,5$ года) по сравнению с детьми биологических матерей ($7,6 \pm 3,2$ года, $p = 0,001$).

Срок помещения в учреждение: ранняя (до 18 месяцев) и поздняя институционализация (после 18 месяцев) были сбалансированы между группами, что исключает влияние возраста институционализации на уровень стресса у матерей.

Все матери заполняли анкету, в которой описывали детей, время их размещения в приемную семью и в государственные учреждения, собственный возраст, семейное положение и уровень образования.

Затем они выполняли тесты, направленные на оценку исполнительных функций: тест, оценивающий тормозный контроль в парадигме go/go и go/no-go (Вергунов и др., 2019), и тест, оценивающий рабочую память (Разумникова, Николаева, 2019). Наконец, все женщины отвечали на вопросы теста Я. Стреляу, описывающего формально-динамические характеристики темперамента (Стреляу и др., 2007).

Проверка результатов на нормальность с помощью критерия Шапиро — Уилка показала отклонение от нормального распределения. Проверка гомогенности дисперсий с помощью критерия Левена подтвердила неоднородность выборки. Именно поэтому для сравнения групп использовали в дальнейшем непараметрические тесты (U-критерий Манна — Уитни, корреляцию Спирмена). Для анализа результатов применяли программное обеспечение Jamovi 2.3.28 (Richardson, Machan, 2021).

Результаты исследования и их обсуждение

Сначала проанализированы результаты оценки тормозного контроля матерей. Суть тестирования состояла в выработке рефлекса в простой сенсомоторной реакции (серия go) и затем запрете реагировать на один из сигналов, на который уже была выработана реакция. Оценивали время реакции на сигнал, число пропусков сигналов при выработке рефлекса и число ошибочных нажатий на запрещающий сигнал.

Как видно из табл. 3, матери, воспитывающие кровных детей, в целом реагируют на зрительные стимулы быстрее ($U = 11$; $p = 0,01$) по сравнению с приемными матерями. Кровные матери были более внимательны при восприятии зрительных стимулов и реже их пропускали ($U = 12$; $p = 0,004$) по сравнению с матерями с опытом приемного родительства. Тем не менее после контроля по возрасту матерей в апостериорном анализе различия в скорости реакции и количестве пропущенных стимулов исчезли.

Однако были выявлены различия в рабочей памяти. Рабочая память — это память на промежуточные этапы долговременной задачи (Николаева, Вергунов, 2017). Именно поэтому была использована методика, в которой три раза предъявлялся один и тот же набор зрительных

природных стимулов (насекомые, листья и т. д.), но каждый раз в ином порядке. Это создавало условия для интерференции, которая ухудшала воспроизведение в каждом последующем предъявлении. Однако в рабочей памяти существуют два механизма: забывание как следствие воспроизведения и обучение как следствие воспроизведения. Этот последний механизм демонстрирует протективные возможности человека: осознав резкое ухудшение запоминания, часть людей пытаются выработать стратегию противостояния ему.

Таблица 3 / Table 3

**Особенности реагирования в тесте, оценивающем тормозный контроль,
матерей двух групп**

Response patterns in inhibitory control test between two groups of mothers

Показатель / Indicators	Кровные матери / Birth Mothers (n = 57)	Матери, воспитывающие приемных детей / Mothers with adopted children (n = 52)
Время реакции, go серия (мс) / Reaction time, Go series (ms)	311,2 ± 50,7	325,3 ± 38,4
Количество пропущенных стимулов, go серия, № 1 / Number of missed stimuli, go series, No 1	0,3 ± 0,7	0,7 ± 0,7

Таблица 4 / Table 4

**Различия в объеме третьего воспроизведения в рабочей памяти и уровне обучения
как следствия воспроизведения у кровных матерей (КМ) и матерей, воспитывающих
только приемных детей (ПМ)**

**Differences in the volume of third reproduction in working memory and level of learning
as a consequence of reproduction in biological mothers (BM) and mothers with adopted
children only (MAC)**

Показатель / Indicator	ANCOVA	Sheff test (КМ-ПМ) / Sheff Test (BM- MAC)
Третье воспроизведение в рабочей памяти / Third reproduction in working memory	F = 7,4; p = 0,007, $\eta^2 = 0,05$	dif = 4,18
Обучение как следствие воспроизведения / Learning as a result of reproduction	F = 6,6; p = 0,011, $\eta^2 = 0,05$	dif = 3,59

Как видно из табл. 4, кровные матери обладают большими адаптивными способностями при обработке информации и выстраивают более эффективную стратегию в когнитивной задаче на запоминание. Различий между разными замещающими матерями мы не обнаружили. В то же время стоит подчеркнуть, что ранее было показано, что исполнительные функции ребенка коррелируют с исполнительными функциями матери (Дыденкова, 2025). В этом смысле кровные дети имеют преимущество перед приемными детьми.

Тест Я. Стреляу имеет 6 шкал, описывающих особенности темперамента. Результаты его применения представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Уровень формально-динамических характеристик темперамента матерей разных групп
Level of formally dynamic temperamental characteristics in different groups of mothers

Характеристика темперамента / Characteristics of temperament (M ± SD)	КМ / BM (n = 57)	ПМ / MAC (n = 22)	РПМ / MABC (n = 30)	Статистика / Statistics (ANCOVA, Sheff test КМ-ПМ-РПМ / BM- MAC - MABC)
Динамичность / Dynamics	11,9 ± 4,3	9,3 ± 3,4	10,3 ± 2,8	dif (КМ-ПМ) = 3,29, t = 3,47, p = 0,003
Настойчивость / Persistence	12,9 ± 4,2	10,7 ± 4,1	9,3 ± 5,1	dif (КМ-ПМ) = 3,08, t = 3,25, p = 0,006
Эмоциональная реактивность / Emotional reactivity	12,8 ± 3,3	10,4 ± 4,5	10,0 ± 3,2	dif (КМ-ПМ) = 3,17, t = 3,53, p = 0,003
Активность / Activity	9,6 ± 4,5	7,5 ± 3,7	7,5 ± 1,8	dif (КМ-ПМ) = 2,7, t = 2,75, p = 0,02; dif (КМ-РПМ) = 3,92, t = 2,43, p = 0,05
Сенсорная чувствительность / Sensory sensitivity	16,5 ± 2,6	16,3 ± 3,0	15,3 ± 2,7	dif (КМ-РПМ) = 2,80, t = 2,52, p = 0,04

Примечание: КМ — кровные матери; ПМ — замещающие матери, воспитывающие только приемных детей; РПМ — замещающие матери, одновременно воспитывающие родных и приемных детей.

Note: BM — birth mothers; MAC — mothers with adopted children only; MABC — mothers with adopted and biological children.

Как видно из табл. 5, кровные матери отличаются от приемных (обеих подгрупп) по показателю активности, что, возможно, объясняется их меньшим возрастом. Они отличаются от приемных матерей, воспитывающих только приемных детей, по показателю динамичности, настойчивости и эмоциональной реактивности. Ранее нами было показано, что матери приемных детей, которые даже при наличии трудностей взаимодействия с детьми не отказывались от них, в отличие от тех, кто на момент обследования писал документ об отказе от ребенка, характеризовались меньшей настойчивостью и меньшей эмоциональностью. Они принимали ребенка, не стремясь изменить его под свой темперамент (Николаева, Япарова, 2007; Николаева, Япарова, 2013).

Отличие же кровных матерей от группы приемных матерей, одновременно воспитывающих родных и приемных детей, состояло в меньшей сенсорной чувствительности. Ранее было выявлено, что многие приемные родители не считали значимым для приемных детей

тактильное взаимодействие (Николаева, Дыденкова, 2024), порой отмечая, что они не любят, «когда дети к ним липнут».

Приемные матери, воспитывающие одновременно родных и приемных детей, менее чувствительны к сенсорным воздействиям. Можно предположить, что это защитный механизм, позволяющий им справиться с одновременным действием биологических и социальных механизмов. В то же время стоит подчеркнуть, что это может быть и свидетельство большего выгорания этих матерей (Николаева, Мелешева, 2016; Хасенова, 2025). В целом данные также свидетельствуют о проблемах в семьях, поскольку матери, воспитывающие своих и приемных детей, часто не имеют мужей на момент обследования.

Подгруппа матерей, воспитывающая и своих, и приемных детей, сталкивается с особыми трудностями, поскольку матери часто являются единственными взрослыми в семье с большим числом детей. Отсутствие супружеской поддержки может способствовать быстрому выгоранию.

Замещающее родительство чаще встречается в более зрелом возрасте, возможно, из-за того, что родители уже воспитали родных детей, они создали свои семьи, а оставшиеся родители чувствуют много сил и готовы воспитывать детей дальше. Именно поэтому в семьях, где воспитываются только приемные дети, матери по многим параметрам не отличаются от кровных матерей. По нашим данным, эти матери имеют более высокое образование, осознанно подходят к набору приемных детей и адекватно оценивают свои силы, что ведет к сохранению семьи и более благополучному воспитанию приемных детей.

Матери, воспитывающие и кровных, и приемных детей, имеющие более низкое образование, по-видимому, хуже оценивают свои возможности, что ведет к выгоранию.

Заключение

Все приемные матери имеют более низкие показатели рабочей памяти за счет меньшей эффективности адаптивного ее механизма — обучения как следствия воспроизведения по сравнению с матерями, воспитывающими только родных детей.

Воспитание одновременно родных и приемных детей, включающее антагонистическое действие биологических инстинктов и социальных механизмов, требует больших ресурсов от приемной матери и способствует большей вероятности возникновения выгорания. Кумулятивный эффект хронического стресса в сочетании с большим числом детей может вести к возникновению негативных внутрисемейных отношений. Это требует большей социальной поддержки семей и создания условий регулярного отдыха приемных родителей, повышения их образовательного уровня как фактора устойчивости семьи.

Ограничения. Работа с естественными группами матерей обуславливает возрастные различия между приемными и кровными матерями. Необходимо дальнейшее лонгитюдное исследование для установления причинно-следственных связей.

Limitations. Working with naturally occurring groups of mothers leads to age-related differences between adoptive and biological mothers. Further longitudinal studies are needed to establish causal relationships.

Список источников / References

1. Вергунов, Е.Г., Николаева, Е.И., Боброва, Ю.В. (2019). К вопросу о психометрической надежности некоторых психологических методик. *Теоретическая и экспериментальная*

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

психология, 12(1), 61—68. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39538659> (дата обращения: 19.08.2025).

Vergunov, E.G., Nikolaeva, E.I., Bobrova, Yu.V. (2019). On the issue of psychometric reliability of some psychological methods. *Theoretical and Experimental Psychology*, 12(1), 61—68. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39538659> (viewed: 19.08.2025).

2. Выготский, Л.С. (1996). История развития высших психических функций. *Психологическая наука и образование*, 1(2), 5—8. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n2/Vygotsky (дата обращения: 19.08.2025).

Vygotsky, L.S. (1996). The history of the development of higher mental functions *Psychological Science and Education*, 1(2), 5—8. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/1996_n2/Vygotsky (viewed: 19.08.2025).

3. Дыденкова, Е.А. (2025). Специфика исполнительных функций у детей разного возраста с опытом институционализации: Дис. ... канд. психол. наук: 5.3.2 Психофизиология (психологические науки). РГПУ им. А.И. Герцена. СПб. URL: http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001127_Disser.pdf (дата обращения: 19.08.2025).

Dydenkova, E.A. (2025). *The specifics of executive functions in children of different ages with experience of institutionalization. Diss. Cand. of Psychol. Sci.: 5.3.2 Psychophysiology (psychological sciences)*. Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint Petersburg. (In Russ.). URL: http://disser.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001127_Disser.pdf (viewed: 19.08.2025).

4. Касаркина, Е.Н., Бистаякина, Д.А. (2025). Девиантное родительство как предмет социальной практики. *Международный научно-исследовательский журнал*, 3(153), Статья 83. <https://doi.org/10.60797/irj.2025.153.69>

Kasarkina, E.N., Bistyaikina, D.A. (2025). Deviant parenting as a subject of social practice. *International Research Journal*, 3(153), Article 83. (In Russ.). <https://doi.org/10.60797/irj.2025.153.69>

5. Мамонова, Е.Б., Колесникова, О.Н. (2023). Синдром родительского выгорания в зарубежной и отечественной психологии. *Нижегородский психологический альманах*, 2, 186—194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67923890> (дата обращения: 19.08.2025).

Mamonova, E.B., Kolesnikova, O.N. (2023). Parental burnout syndrome in foreign and domestic psychology. *Nizhny Novgorod Psychological Almanac*, 2, 186—194. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=67923890> (viewed: 19.08.2025).

6. Махнач, А.В., Прихожан, А.М., Толстых, Н.Н. (Ред.). *Проблема сиротства в современной России. Психологический аспект: Коллективная монография*. М.: Институт психологии РАН.

Makhnach, A.V., Prikhodzhan, A.M., Tolstykh, N.N. (Eds.). *The problem of orphanhood in modern Russia. Psychological aspect: A collective monograph*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).

7. Мухамедрахимов, Р.Ж., Туманян, К.Г., Черного, Д.И., Асламазова, Л.А. (2020). Привязанность у детей с опытом институционализации. Часть II. Особенности привязанности у детей, проживающих в замещающих семьях. *Психологический журнал*, 41(6), 48—56. <https://doi.org/10.31857/S020595920012586-0>

Muhamedrahimov, R.J., Tumanian, K.G., Chernego, D.I., Aslamazova, L.A. (2020). Attachment

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

- in children with experience of institutionalization. Part II. Living in substitute families. *Psychological Journal*, 41(6), 48—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920012586-0>
8. Никитская, Е.А., Дорошенко, О.М. (2021). Теоретические основы исследования феномена эмоционального выгорания у женщин-матерей. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 344—348. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-344-348>
Nikitskaya, E.A., Doroshenko, O.M. (2021). Theoretical foundations of the study of the phenomenon of emotional burnout in women-mothers. *Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 3, 344—348. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-3-344-348>
 9. Николаева, Е.И., Вергунов, Е.Г. (2017). Что такое "executive functions" и их развитие в онтогенезе. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 10(2), 62—81. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30162468> (дата обращения: 19.08.2025).
Nikolaeva, E.I., Vergunov, E.G. (2017). Executive functions and their development in ontogenesis. *Theoretical and Experimental Psychology*, 10(2), 62—81. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30162468> (viewed: 19.08.2025).
 10. Николаева, Е.И., Дыденкова, Е.А. (2024). Отношение приемных и биологических родителей к тактильному взаимодействию с детьми. *Перспективы науки и образования*, 5(71), 557—572. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.32>
Nikolaeva, E.I., Dydenkova, E.A. (2024). Attitude of adoptive and biological parents to tactile interaction with children. *Perspectives of Science and Education*, 5(71), 557—572. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2024.5.32>
 11. Николаева, Е.И., Мелешева, Ю.Б. (2016). Характеристики подростка и приемной матери, повышающие вероятность неуспешности приемного родительства. *Научное мнение*, 10, 115—119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26507962> (дата обращения: 19.08.2025).
Nikolaeva, E.I., Melesheva, Yu.B. (2016). Characteristics of teenagers and stepmothers increasing the possibility of unsuccessful adoptive parenting. *The Scientific Opinion*, 10, 115—119. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26507962> (viewed: 19.08.2025).
 12. Николаева, Е.И., Япарова, О.Г. (2007). Особенности личностных характеристик детей и родителей в эффективных и неэффективных приемных семьях. *Вопросы психологии*, 6, 37—42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19134705> (дата обращения: 19.08.2025).
Nikolaeva, E.I., Yaparova, O.G. (2007). Peculiarities of personality characteristics of children and parents in foster families. *Voprosy Psichologii*, 6, 37—42. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19134705> (viewed: 19.08.2025).
 13. Николаева, Е.И., Япарова, О.Г. (2013). *Ребенок свой и чужой. Ребенок в родной и приемной семье: проблемы и их решение: Учебное пособие*. М.: Элпис.
Nikolaeva, E.I., Yaparova, O.G. (2013). *The 'Own' and 'Alien' Child: The Child in Biological and Adoptive Families — Problems and Solutions: A Textbook*. Moscow: ELPIS Publ. (In Russ.).
 14. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Колесникова, У.В. (2022). Психологические ресурсы и личностные дефициты у выпускников организаций для детей-сирот. *Социальные науки и детство*, 3(2-3), 69—89. <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030205>
Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Kolesnikova, U.V. (2022). Psychological Resources and Personal Deficits of Graduates of Organizations for Orphans. *Social Sciences and Childhood*, 3(2), 69—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030205>
 15. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Колесникова, У.В. (2023). Развитие потенциала посттравматического роста как психологическая мишень подготовки кандидатов в

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025) Психофизиологические основания воспитания детей, оставшихся без попечения родителей *Социальные науки и детство*, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025) Psychophysiological foundations of parenting for children without parental care *Social Sciences and Childhood*, 6(2), 49—70.

замещающие родители. *Психология и право*, 13(4), 195—215. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130414>

Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Kolesnikova, U.V. (2023). Developing the Potential of Post-traumatic Growth as a Psychological Target for Training Candidates for Substitute Parents. *Psychology and Law*, 13(4), 195—215. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130414>

16. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Колесникова, У.В. (2024). Мотивация приема на воспитание детей-сирот трудноустраниваемых категорий в контексте различных форм семейного устройства, включая усыновление. *Психологическая наука и образование*, 29(6), 81—98. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290606>

Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Kolesnikova, U.V. (2024). Motivation for the Admission of Orphans of Employable Categories in the Context of Various Forms of Family Structure. *Psychological Science and Education*, 29(6), 81—98. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290606>

17. Петрусева, О.А., Цанг, А.А., Дудняк, В.С. (2021). Влияние синдрома эмоционального выгорания матери на психологическое благополучие ребенка и взаимоотношения в семье. *Психология развития и образования: (Российский журнал прикладных исследований)*, 1, 40—42. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46289640> (дата обращения: 19.08.2025).

Petruseva, O.A., Tsang, A.A., Dudnyak, V.S. (2021). The influence of the mother's emotional burnout syndrome on the child's psychological well-being and family relationships. *Developmental and Educational Psychology (Russian Journal of Applied Research)*, 1, 40—42. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46289640> (viewed: 19.08.2025).

18. Разумникова, О.М., Николаева, Е.И. (2019). Возрастные особенности тормозного контроля и проактивная интерференция при запоминании зрительной информации. *Вопросы психологии*, 2, 124—132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38533324> (дата обращения: 19.08.2025).

Razumnikova, O.M., Nikolaeva, E.I. (2019). Age characteristics of inhibition control in the model of proactive interference. *Voprosy Psichologii*, 2, 124—132. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38533324> (viewed: 19.08.2025).

19. Семья, Г.В. (2021). Обзор международных исследований, посвященных последствиям нахождения ребенка в условиях институционализации: как добиться положительных результатов. *Социальные науки и детство*, 2(1), 73—84. <https://doi.org/10.17759/ssc.2021020106>

Semya, G.V. (2021). The Overview of International Research on the Effects of Being a Child in the Conditions of Institutionalisation: How to Achieve Positive Results. *Social Sciences and Childhood*, 2(1), 73—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2021020106>

20. Семья, Г.В., Иванников, В.А., Чиркина, Р.В. (2021). К вопросу обоснования системной модели профилактики социальных рисков в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. *Вестник практической психологии образования*, 18(3), 7—9. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (дата обращения: 19.08.2025).

Semya, G.V., Ivannikov, V.A., Chirkina, R.V. (2021). On the Issue of Substantiating a Systemic Model for the Prevention of Social Risks in Organizations for Orphans and Children Left without Parental Care. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 18(3), 7—9. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2021_n3/from_editor (viewed: 19.08.2025).

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

21. Семья, Г.В., Телицына, А.Ю., Лашкул, М.В. (2024). Адаптация к новой реальности: обзор международных исследований специфики развития детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях и при усыновлении. *Социальные науки и детство*, 5(4), 65—85. <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050404>
Semya, G.V., Telitsyna, A.Yu., Lashkul, M.V. (2024). Adapting to a New Reality: A Review of International Studies on the Developmental Specificities of Children Deprived of Parental Care in Substitute Families and Through Adoption. *Social Sciences and Childhood*, 5(4), 65—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050404>
22. Сорокина, Е.Н. (2021). Амбивалентность материнства и представления о любви как осевая доминанта субъективного материнского мифа. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 3, 118—125. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.03.18>
Sorokina, E.N. (2021). Ambivalence of motherhood and the concept of love as a pivotal feature of the subjective maternal myth. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition* 3, 118—125. (In Russ.). <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.03.18>
23. Стреляу, Я., Митина, О., Завадский, Б., Бабаева, Ю., Менчук, Т. (2007). *Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения): Учебно-методическое пособие*. М.: Смысл.
Strelau, J., Mitina, O., Zavadsky, B., Babayeva, Y., Menchuk, T. (2007). *Methods of diagnosing temperament (formal and dynamic characteristics of behavior): An educational and methodical manual*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
24. Хасенова, Е.С. (2025). Профилактика эмоционального выгорания приемных родителей. *Человеческий фактор: Социальный психолог*, 1(53), 544—553. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80291565> (дата обращения: 19.08.2025).
Khasenova, E.S. (2025). Prevention of emotional burnout of foster parents. *The Human Factor: A Social Psychologist*, 1(53), 544—553. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80291565> (viewed: 19.08.2025).
25. Bailes, L.G., Blum, A., Barnett, W., Piersiak, H., Takemoto, S., Fleming, B., Alexander, C., Humphreys, K.L. (2024). Stressful life events and prenatal representations of the child. *Attachment & Human Development*, 26(2), 116—132. <https://doi.org/10.1080/14616734.2024.2345242>
26. Barba-Müller, E., Craddock, S., Carmona, S., Hoekzema, E. (2019). Brain plasticity in pregnancy and the postpartum period: links to maternal caregiving and mental health. *Archives of Women's Mental Health*, 22, 289—299. <https://doi.org/10.1007/s00737-018-0889-z>
27. Barrett, J., Fleming, A.S. (2011). Annual research review: All mothers are not created equal: Neural and psychobiological perspectives on mothering and the importance of individual differences. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 52(4), 368—397. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2010.02306.x>
28. Bengtsson, T., Karmsteen, K. (2020). Recognition of Parental Love: Birth Parents' Experiences with Cooperation When Having a Child Placed in Family Foster Care in Denmark. *British Journal of Social Work*, 51(6), 2001—2018. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcaa127>
29. Bergström, M., Cederblad, M., Håkansson, K., Jonsson, A.K., Munthe, C., Vinnerljung, B., Wirtberg, I., Östlund, P., Sundell, K. (2020). Interventions in foster family care: A systematic review. *Research on Social Work Practice*, 30(1), 3—18. <https://doi.org/10.1177/1049731519832101>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

30. Bick, J., Dozier, M., Bernard, K., Grasso, D., Simons, R. (2013). Foster mother–infant bonding: Associations between foster mothers' oxytocin production, electrophysiological brain activity, feelings of commitment, and caregiving quality. *Child Development*, 84(3), 826—840. <https://doi.org/10.1111/cdev.12008>
31. Blythe, S.L., Halcomb, E.J., Wilkes, L., Jackson, D. (2013). Perceptions of long-term female foster-carers: I'm not a carer, I'm a mother. *British Journal of Social Work*, 43(6), 1056—1072. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcs047>
32. Bowlby, J. (1953). *Child care and the growth of love*. Baltimore, MD: Penguin Books.
33. Cascio, C.J., Moore, D., McGlone, F. (2019). Social touch and human development. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 35, 5—11. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2018.04.009>
34. Chary, M., McQuillan, M.E., Bates, J.E., Deater-Deckard, K. (2020). Maternal executive function and sleep interact in the prediction of negative parenting. *Behavioral Sleep Medicine*, 18(2), 203—216. <https://doi.org/10.1080/15402002.2018.1549042>
35. Chateaufneuf, D., Turcotte, D., Drapeau, S. (2018). The relationship between foster care families and birth families in a child welfare context: The determining factors. *Child & Family Social Work*, 23(1), 71—79. <https://doi.org/10.1111/cfs.12385>
36. Cooley, M.E., Newquist, J., Thompson, H.M., Colvin, M.L. (2019). A systematic review of foster parent preservice training. *Children and Youth Services Review*, 107, Article 104552. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104552>
37. Cristofori, I., Cohen-Zimmerman, S., Grafman, J. (2019). Executive functions. *Handbook of Clinical Neurology*, 163, 197—219. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-804281-6.00011-2>
38. Deater-Deckard, K., Chen, N., Wang, Z., Bell, M.A. (2012). Socioeconomic risk moderates the link between household chaos and maternal executive function. *Journal of Family Psychology*, 26(3), Article 391. <https://doi.org/10.1037/a0028331>
39. Deater-Deckard, K., Sewell, M.D., Petrill, S.A., Thompson, L.A. (2010). Maternal working memory and reactive negativity in parenting. *Psychological Science*, 21(1), 75—79. <https://doi.org/10.1177/0956797609354073>
40. Diamond, A. (2013). Executive functions. *Annual Review of Psychology*, 64(1), 135—168. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-113011-143750>
41. Distefano, R., Galinsky, E., McClelland, M.M., Zelazo, P.D., Carlson, S.M. (2018). Autonomy-supportive parenting and associations with child and parent executive function. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 58, 77—85. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2018.04.007>
42. Dozier, M., Lindhiem, O. (2006). This is my child: Differences among foster parents in commitment to their young children. *Child Maltreatment*, 11(4), 338—345. <https://doi.org/10.1177/1077559506291263>
43. Dubois-Comtois, K., Bussieres, E.L., Cyr, C., St-Onge, J., Baudry, C., Milot, T., Labbe, A.P. (2021). Are children and adolescents in foster care at greater risk of mental health problems than their counterparts? A meta-analysis. *Children and Youth Services Review*, 127, Article 106100. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106100>
44. Dydenkova, E., McGlone, F., Mayorova, L., Nikolaeva, E. (2024). The impact of early life experiences on inhibitory control and working memory. *Frontiers in Psychology*, 15, Article 1484424. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1484424>
45. Eberhard, M.J.W. (1975). The evolution of social behavior by kin selection. *The Quarterly Review of Biology*, 50(1), 1—33. <https://doi.org/10.1086/408298>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

46. Engler, A.D., Sarpong, K.O., Van Horne, B.S., Greeley, C.S., Keefe, R.J. (2022). A systematic review of mental health disorders of children in foster care. *Trauma, Violence, & Abuse*, 23(1), 255—264. <https://doi.org/10.1177/1524838020941197>
47. Feldman, R. (2015). The adaptive human parental brain: implications for children's social development. *Trends in Neurosciences*, 38(6), 387—399. <https://doi.org/10.1016/j.tins.2015.04.004>
48. Fransson, E., Sörensen, F., Kallak, T.K., Ramklint, M., Eckerdal, P., Heimgärtner, M., ... & Skalkidou, A. (2020). Maternal perinatal depressive symptoms trajectories and impact on toddler behavior — the importance of symptom duration and maternal bonding. *Journal of Affective Disorders*, 273, 542—551. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.04.003>
49. Gabler, S., Bovenschen, I., Lang, K., Zimmermann, J., Nowacki, K., Kliwer, J., Spangler, G. (2014). Foster children's attachment security and behavior problems in the first six months of placement: Associations with foster parents' stress and sensitivity. *Attachment & Human Development*, 16(5), 479—498. <https://doi.org/10.1080/14616734.2014.911757>
50. Glasper, E.R., Kenkel, W.M., Bick, J., Rilling, J.K. (2019). More than just mothers: The neurobiological and neuroendocrine underpinnings of allomaternal caregiving. *Frontiers in Neuroendocrinology*, 53, Article 100741. <https://doi.org/10.1016/j.yfrne.2019.02.00>
51. Goemans, A., Geel, M.V., Vedder, P. (2018). Foster children's behavioral development and foster parent stress: Testing a transactional model. *Journal of Child and Family Studies*, 27(3), 990—1001. <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0941-z>
52. Gouveia, L., Magalhães, E., Pinto, V.S. (2021). Foster families: A systematic review of intention and retention factors. *Journal of Child and Family Studies*, 30(11), 2766—2781. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02051-w>
53. Granqvist, P., Sroufe, L.A., Dozier, M., Hesse, E., Steele, M., van Ijzendoorn, M., Solomon, J., Schuengel, C., Fearon, P., Bakermans-Kranenburg, M., Steele, H., Cassidy, J., Carlson, E., Madigan, S., Jacobvitz, D., Foster, S., Behrens, K., Rifkin-Graboi, A., Gribneau, N., Spangler, G., Ward, M.J., True, M., Spieker, S., Reijman, S., Reisz, S., Tharner, A., Nkara, F., Goldwyn, R., Sroufe, J., Pederson, D., Pederson, D., Weigand, R., Siegel, D., Dazzi, N., Bernard, K., Fonagy, P., Waters, E., Toth, S., Cicchetti, D., Zeanah, C.H., Lyons-Ruth, K., Main, M., Duschinsky, R. (2017). Disorganized attachment in infancy: A review of the phenomenon and its implications for clinicians and policy-makers. *Attachment & Human Development*, 19(6), 534—558. <https://doi.org/10.1080/14616734.2017.1354040>
54. Guss, S.S., Morris, A.S., Bosler, C., Castle, S.L., Hays-Grudo, J., Horm, D.M., Treat, A. (2020). Parents' adverse childhood experiences and current relationships with their young children: The role of executive function. *Early Child Development and Care*, 190(7), 1042—1052. <https://doi.org/10.1080/03004430.2018.1513921>
55. Guyon-Harris, K.L., Ahlfs-Dunn, S.M., Madigan, S., Bronfman, E., Benoit, D., Huth-Bocks, A.C. (2022). Disrupted caregiving behavior as a mediator of the relation between disrupted prenatal maternal representations and toddler social-emotional functioning. *Development and Psychopathology*, 34(3), 755—763. <https://doi.org/10.1017/S0954579420001674>
56. Hamilton, W.D. (1964). The genetical evolution of social behaviour. II. *Journal of Theoretical Biology*, 7(1), 17—52. [https://doi.org/10.1016/0022-5193\(64\)90039-6](https://doi.org/10.1016/0022-5193(64)90039-6)
57. Hernández-González, M., Hidalgo-Aguirre, R.M., Guevara, M.A., Pérez-Hernández, M., Amezcua-Gutiérrez, C. (2016). Observing videos of a baby crying or smiling induces similar,

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

- but not identical, electroencephalographic responses in biological and adoptive mothers. *Infant Behavior and Development*, 42, 1—10. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2015.10.006>
58. Hodson, G., Earle, M. (2020). Social identity theory (SIT). In: V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (Eds.), *Encyclopedia of personality and individual differences* (pp. 5061—5067). Springer.
 59. Hoekzema, E., Barba-Müller, E., Pozzobon, C., Picado, M., Lucco, F., García-García, D., Soliva, J.C., Tobeña, A., Desco, M., Crone, E.A., Ballesteros, A., Carmona, S., Vilarroya, O. (2017). Pregnancy leads to long-lasting changes in human brain structure. *Nature Neuroscience*, 20(2), 287—296. <https://doi.org/10.1038/nn.4458>
 60. Höjer, I. (2009). Birth parents' perception of sharing the care of their child with foster parents. *Vulnerable Children and Youth Studies*, 4(2), 161—168. <https://doi.org/10.1080/17450120903012941>
 61. Jones-Gordils, H.R., Sturge-Apple, M.L., Davies, P.T. (2021). Maternal executive functions, maternal discipline, and children's school readiness: A process oriented approach. *Journal of Child and Family Studies*, 30(6), 1393—1405. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-01949-9>
 62. Keverne, E.B. (1996). Primate brain evolution: genetic and functional considerations. *Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*, 263(1371), 689—696. <https://doi.org/10.1098/rspb.1996.0103>
 63. Korucu, I., Litkowski, E., Purpura, D.J., Schmitt, S.A. (2020). Parental executive function as a predictor of parenting practices and children's executive function. *Infant and Child Development*, 29(1), Article e2152. <https://doi.org/10.1002/icd.2152>
 64. Lindstedt, J. (2024). *Prenatal representations, early family relationships, And child social-emotional development: the father's contribution: Doctoral dissertation*, Turku University. Turku.
 65. Lorenz, K.Z. (1937). The companion in the bird's world. *The Auk*, 54(3), 245—273. <https://doi.org/10.2307/4078077>
 66. Lyttle, E., McCafferty, P., Taylor, B.J. (2024). Experiences of adoption disruption: Parents' perspectives. *Child Care in Practice*, 30(3), 333—352. <https://doi.org/10.1080/13575279.2021.1941767>
 67. Machemer, R.S., Santos da Silva, P., Naddeo, L., Guedes da Silva, L., Sebben, S., Heidrich dos Santos, A.P., Frizzo, G.B. (2023). Improvement in emotional bond and parental satisfaction among participants of an online training program for adoptive parents. *Adoption Quarterly*, 28(1), 27—49. <https://doi.org/10.1080/10926755.2023.2242833/>
 68. Manzari, N., Matvienko-Sikar, K., Baldoni, F., O'Keeffe, G.W., Khashan, A.S. (2019). Prenatal maternal stress and risk of neurodevelopmental disorders in the offspring: a systematic review and meta-analysis. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 54(11), 1299—1309. <https://doi.org/10.1007/s00127-019-01745-3>
 69. Martínez-García, M., Cardenas, S.I., Pawluski, J., Carmona, S., Saxbe, D.E. (2022). Recent neuroscience advances in human parenting. In: G. González-Mariscal (Ed.), *Patterns of Parental Behavior: From Animal Science to Comparative Ethology and Neuroscience* (pp. 239—267). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-97762-7_8
 70. Midgley, N., Sprecher, E.A., Cirasola, A., Redfern, S., Pursch, B., Smith, C., Douglas, S., Martin, P. (2021). The reflective fostering programme: Evaluating the intervention co-delivered by social work professionals and foster carers. *Journal of Children's Services*, 16(2), 159—174. <https://doi.org/10.1108/JCS-11-2020-0074>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

71. Ponciano, L. (2010). Attachment in Foster Care: The Role of Maternal Sensitivity, Adoption, and Foster Mother Experience. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 27, 97—114. <https://doi.org/10.1007/s10560-010-0192-y>
72. Richardson, P., Machan, L. (2021). *Jamovi for Psychologists*. Bloomsbury Publishing.
73. Rogers, C., Barch, D., Warner, B., Luby, J., Smyser, C. (2024). Social Determinants of Health, Infant Brain Development and Early Childhood Social-Emotional Development. *Biological Psychiatry*, 95(10), S55—S56. <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2024.02.139>
74. Schofield, G., Beek, M. (2005). Providing a secure base: Parenting children in long-term foster family care. *Attachment & Human Development*, 7(1), 3—26. <https://doi.org/10.1080/14616730500049019>
75. Schoemaker, N.K., Wentholt, W.G., Goemans, A., Vermeer, H.J., Juffer, F., Alink, L.R. (2020). A meta-analytic review of parenting interventions in foster care and adoption. *Development and Psychopathology*, 32(3), 1149—1172. <https://doi.org/10.1017/S0954579419000798>
76. Segal, N.L., Li, N.P., Graham, J.L., Miller, S.A. (2015). Do parents favor their adoptive or biological children? Predictions from kin selection and compensatory models. *Evolution and Human Behavior*, 36(5), 379—388. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.03.001>
77. Sharda, E. (2022). Parenting stress and well-being among foster parents: The moderating effect of social support. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 39(5), 547—559. <https://doi.org/10.1007/s10560-022-00836-6>
78. Sluckin, W. (2017). *Imprinting and early learning*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203788950>
79. Soares, J., Ralha, S., Fonseca, S.M., Prego, J., Barbosa-Ducharne, M.A. (2023). Why and how do parents decide to adopt? A study on motivations and the decision-making process in becoming an adoptive family. *Child & Family Social Work*, 28(3), 753—763. <https://doi.org/10.1111/cfs.13001>
80. Solomon, D.T., Niec, L.N., Schoonover, C.E. (2017). The impact of foster parent training on parenting skills and child disruptive behavior: A meta-analysis. *Child Maltreatment*, 22(1), 3—13. <https://doi.org/10.1177/1077559516679514>
81. Staines, J., Golding, K., Selwyn, J. (2019). Nurturing attachments parenting program: The relationship between adopters' parental reflective functioning and perception of their children's difficulties. *Developmental Child Welfare*, 1(2), 143—158. <https://doi.org/10.1177/2516103219829861>
82. Ulmer-Yaniv, A., Waidergoren, S., Shaked, A., Salomon, R., Feldman, R. (2022). Neural representation of the parent-child attachment from infancy to adulthood. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 17(7), 609—624. <https://doi.org/10.1093/scan/nsab132>
83. Vreeland, A., Ebert, J.S., Kuhn, T.M., Gracey, K.A., Shaffer, A.M., Watson, K.H., Gruhn, M.A., Henry, L., Dickey, L., Siciliano, R.E., Anderson, A., Compas, B.E. (2020). Predictors of placement disruptions in foster care. *Child Abuse & Neglect*, 99, Article 104283. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.104283>
84. West, D., Vanderfaeillie, J., Van Hove, L., Gypen, L., Van Holen, F. (2020). Attachment in family foster care: Literature review of associated characteristics. *Developmental Child Welfare*, 2(2), 132—150. <https://doi.org/10.1177/2516103220915624>
85. Wiehe, V.R. (1983). Foster mothers: Are they unique? *Psychological Reports*, 53(3 Pt 2), 1215—1218. <https://doi.org/10.2466/pr0.1983.53.3f.1215>

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

86. Weitz, Y., Karlsson, M.E. (2020). Professional or authentic motherhood? Negotiations on the identity of the birth mother in the context of foster care. *Qualitative Social Work*, 20(3), 1—15. <https://doi.org/10.1177/1473325020912815>
87. Young, K.S., Parsons, C.E., Stein, A., Vuust, P., Craske, M.G., Kringelbach, M.L. (2017). The neural basis of responsive caregiving behaviour: Investigating temporal dynamics within the parental brain. *Behavioural Brain Research*, 325, 105—116. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2016.09.012>

Информация об авторах

Елена Ивановна Николаева, доктор биологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии и педагогики семьи, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8363-8496>, e-mail: klemtina@yandex.ru

Ева Александровна Дыденкова, соискатель кафедры возрастной психологии и педагогики семьи, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ им. А. И. Герцена), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8079-1660>, e-mail: dydenkovaeva@gmail.com

Галина Владимировна Семья, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «Возрастная психология им. профессора Л.Ф. Обухова», факультет «Психология образования», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Information about the authors

Elena I. Nikolaeva, Doctor of Science (Biology), Professor, Head of the Department of the Developmental Psychology and Family Pedagogic, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8363-8496>, e-mail: klemtina@yandex.ru

Eva A. Dydenkova, Candidate of the Department of the Developmental Psychology and Family Pedagogic, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8079-1660>, e-mail: dydenkovaeva@gmail.com

Galina V. Semya, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor of the Department of Age Psychology named after Professor L.F. Obukhova, Faculty of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Вклад авторов

Николаева Е.И. — концепция исследования, планирование исследования; контроль за проведением исследования, обзор литературы, написание текста.

Дыденкова Е.А. — проведение исследования, статистическая и математическая обработка эмпирических данных, описание эмпирических результатов.

Николаева Е.И., Дыденкова Е.А., Семья Г.В. (2025)
Психофизиологические основания воспитания детей,
оставшихся без попечения родителей
Социальные науки и детство, 6(2), 49—70.

Nikolaeva E.I., Dydenkova E.A., Semya G.V. (2025)
Psychophysiological foundations of parenting
for children without parental care
Social Sciences and Childhood, 6(2), 49—70.

Семья Г.В. — аннотирование; редактирование текста рукописи, подготовка статьи к публикации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena I. Nikolaeva — ideas; planning of the research; control over the research writing and design of the manuscript.

Eva A. Dydenkova — conducting research, application of statistical, mathematical or other methods for data analysis, describing empirical results.

Galina V. Semya — research concept; annotation; planning of the study; supervision of the research process; design and editing of the manuscript text.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 08.08.2025

Поступила после рецензирования 20.08.2025

Принята к публикации 20.08.2025

Опубликована 29.08.2025

Received 2025.08.08

Revised 2025.08.20

Accepted 2025.08.20

Published 2025.08.29

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ |
SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

**Специфика социально-психологического портрета кандидатов
в замещающие родители при различных формах
семейного устройства детей-сирот**

Т.Д. Суюндукова¹✉

¹ Республиканский центр семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Уфа, Российская Федерация

✉ tansulpan.82@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема семейного устройства детей-сирот сохраняет актуальность в российской социальной политике. Высокий процент возвратов (4725 случаев в 2024 г.) указывает на недостатки в методах отбора кандидатов. **Цель.** Выявить специфику социально-психологических характеристик кандидатов при различных формах семейного устройства. **Гипотеза.** Социально-психологический портрет кандидатов имеет особенности в зависимости от формы семейного устройства (безвозмездная опека, возмездная опека/приемная семья, усыновление). **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 45 кандидатов (15 усыновителей, 15 опекунов, 15 приемных родителей; М-возраст = 49 ± 19 лет; 62,2% женщин; 73,3% усыновителей с высшим образованием). Применялись методики «Пятифакторный опросник» Р. МакКрае и П. Коста, «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью» В. Ослон. **Результаты.** Усыновители ориентированы на «самоценность ребенка», приемные родители демонстрируют высокую открытость опыту и альтруизм, опекуны мотивированы разрешением семейного кризиса. **Выводы.** Результаты подтверждают необходимость дифференцированного подхода к отбору и сопровождению семей.

Ключевые слова: замещающее родительство, формы семейного устройства, мотивация, усыновление, личностные характеристики, дети-сироты

Для цитирования: Суюндукова, Т.Д. (2025). Специфика социально-психологического портрета кандидатов в замещающие родители при различных формах семейного устройства детей-сирот. *Социальные науки и детство*, 6(2), 71–83. <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060204>

Суюндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

Specificity of the socio-psychological portrait of candidates for substitute parents in various forms of family placement of orphans

T.D. Suyundukova¹✉

¹ Republican Center for Family Placement of Orphans and Children Left without Parental Care, Ufa, Russian Federation

✉ tansulpan.82@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The problem of the family structure of orphaned children remains relevant in Russian social policy. The high percentage of returns (4725 cases in 2024) indicates shortcomings in the candidate selection methods. **Goal.** To identify the specifics of socio-psychological characteristics of candidates in various forms of family structure. **Hypothesis.** The socio-psychological profile of candidates has specific features depending on the form of family arrangement (unpaid guardianship, paid guardianship/foster family, adoption). **Methods and materials.** 45 candidates participated in the study (15 adoptive parents, 15 guardians, 15 foster parents; $M_{\text{age}} = 49 \pm 19$ years; 62,2% of women; 73,3% of adoptive parents with higher education). The methods "Five-factor questionnaire" by R. McCrae and P. Costa, "Motivation for the admission of an orphan child to a substitute family" by V. Oslon were used. **Results.** Adoptive parents are focused on the "self-worth of the child", foster parents demonstrate a high openness to experience and altruism, guardians are motivated by resolving the family crisis. **Conclusions.** The results confirm the need for a differentiated approach to family selection and support.

Keywords: substitute parenting, family placement forms, adoption, motivation, personal characteristics, orphaned children

For citation: Suyundukova, T.D. (2025). Specificity of the socio-psychological portrait of candidates for substitute parents in various forms of family placement of orphans. *Social Sciences and Childhood*, 6(2), 71—83. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2025060204>

Введение

В данной статье описаны результаты магистерского исследования, выполненного в рамках подготовки и защиты выпускной квалификационной работы. Были проведены дополнительные исследования по уточнению ранее полученных данных.

Проблема семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается одной из наиболее актуальных в современной социальной политике России (Арпентьева, Рожкова, 2016; Махнач, Прихожан, Толстых, 2015; Ослон, 2006; Семья, Тарасова, Волчанская, 2024; Семья, Телицына, Лашкул, 2024) и активно обсуждается в научных работах: вопросы привязанности (Мухамедрахимов и др., 2020; Петрановская, 2019); мотивации (Козлова, 2012; Ослон и др., 2021a; Malm, Welti, 2010), включая принятие в семью сложных категорий детей (Ослон и др., 2024), личностные характеристики замещающих родителей (Ослон и др., 2021b; Курдалина, Ослон и др., 2024; Bornstein, Putnick, 2020; Holen et al., 2019). В обзоре международных исследований специфики развития детей, оставшихся

Суюндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

без попечения родителей, в условиях замещающих семей представлены все три формы семейного устройства, сопоставимые с российскими (Семья, Тарасова, Волчанская, 2024).

Несмотря на активное развитие системы замещающего родительства, высокий процент возвратов детей в учреждения свидетельствует о недостаточной эффективности существующих методов отбора и подготовки кандидатов. Согласно статистике, в 2024 году в России было зафиксировано 4725 случаев отмен решений о передаче детей в семьи, что подчеркивает необходимость более глубокого изучения социально-психологических характеристик замещающих родителей¹.

Актуальность данного исследования обусловлена противоречием между потребностью в увеличении числа семей, готовых принять ребенка-сироту, и отсутствием системного подхода к изучению особенностей кандидатов в зависимости от формы семейного устройства (усыновление, опека, приемная семья). Ранее проведенные исследования (Ослон и др., 2021a; Ослон и др., 2021b; Петрановская, 2019; Прихожан, 2018) выявили значимость мотивации и личностных качеств замещающих родителей для успешной адаптации ребенка. Однако большинство этих исследований носили общий характер, не учитывая специфику различных форм устройства.

Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела путем сравнительного анализа социально-психологических портретов кандидатов, выбирающих разные формы семейного устройства. В отличие от предыдущих работ, в данной статье акцент делается на выявлении ключевых различий в мотивации и личностных характеристиках между усыновителями, опекунами и приемными родителями.

Цель исследования — определить особенности социально-психологического портрета кандидатов в замещающие родители с учетом различий между формами семейного устройства детей-сирот.

Гипотеза исследования: социально-психологический портрет кандидатов в замещающие родители имеет свои особенности в зависимости от формы семейного устройства (безвозмездная опека, возмездная опека (приемная семья), усыновление).

Теоретической основой исследования послужили концепции интегральной индивидуальности (Мерлин, 1996), теория мотивации замещающего родительства (Ослон и др., 2021b) и пятифакторная модель личности. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для совершенствования программ отбора и подготовки замещающих родителей, что в конечном итоге способствует снижению числа возвратов детей и созданию благоприятных условий для их развития в семьях.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в системное понимание социально-психологических профилей кандидатов и подчеркивает необходимость дифференцированного подхода в психологических и правовых рамках.

Материалы и методы

Особенности мотивации приема детей в семью на воспитание выявлялись с помощью методики «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью» (Ослон и др., 2024), направленной на выделение следующих типов: разрешение семейного кризиса, замещение

¹ Форма № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», <https://docs.edu.gov.ru/document/b02e4dc143d824c7a90c717add85a03/>

Суяндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

ребенка после его утраты, включая травму бесплодия, альтруизм, заполнение «пустого гнезда» (дети выросли и покинули дом, в семье нет ребенка), самореализация себя в детях (любой ребенок, независимо от состояния здоровья, поведения и др., является ценностью), удовлетворение экзистенциальных потребностей, удовлетворение материальных потребностей, решение демографических проблем (желание иметь многодетную семью, ребенка определенного пола), религиозная мотивация (долг перед Богом). Валидность методики подтверждена на выборке 1200 респондентов ($\alpha = 0,87$), что позволяет надежно дифференцировать 6 типов мотивационных профилей (Ослон и др., 2024).

Для определения личностных черт кандидатов был использован «Пятифакторный опросник» Р. МакКрае и П. Коста, который содержит 75 пар противоположных по смыслу высказываний, на основании которых оцениваются пять факторов: нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность, добросовестность (Хромов, 2000).

Авторский опросник содержал вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов.

Обработка полученных данных выполнялась с помощью пакета статистических программ «SPSS 21.0». Были использованы частотный анализ и однофакторный дисперсионный анализ.

Сбор данных осуществлялся в Школах приемных родителей Республики Башкортостан при согласии респондентов на участие в опросе и разрешении на обработку персональных данных.

Эмпирическая база исследования представлена ГБУ Республиканским центром семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан.

В исследовании приняли участие кандидаты из 8 муниципальных районов и 4 городских округов региона, что обеспечило репрезентативность выборки, которая составила 45 респондентов, равномерно распределенных по трем группам: 15 кандидатов в усыновители, 15 — в опекуны/попечители и 15 — в приемные родители. Характеристика выборки отражает ключевые социально-демографические параметры: средний возраст участников — 49 ± 19 лет, с разбросом от 30 до 68 лет, преобладание женщин (62,2%), что соответствует общей статистике по замещающим семьям. Большинство кандидатов (62,2%) проживают в сельской местности, 37,7% — в городских округах. Образовательный уровень варьируется: высшее образование имеют 73,3% усыновителей, 46,6% приемных родителей и 35,2% опекунов. Важно отметить, что 42,2% участников уже имеют опыт воспитания собственных детей, а часть опекунов (29,4%) воспитывают детей-родственников, что добавляет глубины анализу мотивационных различий.

Результаты

Анализ данных показал значимые различия в мотивационной сфере, личностных характеристиках и уровне тревожности среди кандидатов.

Социально-демографические особенности

Среди усыновителей преобладали лица с высшим образованием (73,3%), тогда как в группе опекунов этот показатель был ниже (35,2%). Средний возраст кандидатов составил 49 лет, с наибольшей долей женщин (62,2%), что отражает гендерные особенности мотивации к замещающему родительству.

Суюндукова Т.Д. (2025)
 Специфика социально-психологического портрета
 кандидатов в замещающие родители при различных
 формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
 Specificity of the socio-psychological portrait
 of candidates for substitute parents in various
 forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

Мотивационные особенности

Усыновители чаще всего руководствовались мотивом «самоценности ребенка» (26,6%), что отражает их ориентацию на безусловное принятие личности ребенка и долгосрочные обязательства. В группе приемных родителей преобладали альтруистические (20%) и профессиональные мотивы, связанные с желанием помочь ребенку и работать с детьми, имеющими травматический опыт. Опекуны, особенно родственники, демонстрировали мотивацию разрешения семейного кризиса (11,7%), что объясняется вынужденным характером их решения (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Различия в типах мотивации приема ребенка в семью
 в зависимости от формы устройства**
**Differences in the types of motivation for accepting a child into a family
 depending on the form of placement**

Форма семейного устройства / Form of family arrangement	Типы мотивации приема ребенка в семью (%) / Types of motivation for accepting a child into a family (%)							
	Достаточно ресурсная мотивация / Enough resource motivation		Недостаточно ресурсная мотивация / Insufficient resource motivation					
	Самоценность ребенка / Self-worth baby	Альтруизм / Altruism	Неосознанность личностных мотивов / Lack of awareness of personal motives	Разрешение кризиса / Resolving the crisis	Замещение ребенка / Child replacement	Духовные и моральные ценности / Spiritual and moral values	Неопределенный / Uncertain	Ребенок как партнер для общения / Child as a communication partner
Опека (попечительство) / Guardianship	11,7	-	-	11,7	-	6,6	58,8	5,8
Приемная семья / Adoptive family	20	20	-	6,6	6,6	-	33,6	6,6
Усыновление / Adoption	26,6	6,6	13,3	-	-	-	46,6	-

Личностные характеристики

Средние значения факторов личности в группах замещающих семей, полученных в результате однофакторного дисперсионного анализа, представлены в табл. 2.

Суюндукова Т.Д. (2025)
 Специфика социально-психологического портрета
 кандидатов в замещающие родители при различных
 формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
 Specificity of the socio-psychological portrait
 of candidates for substitute parents in various
 forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

Таблица 2 / Table 2

Описательные статистики факторов личности в группах замещающих семей
Descriptive statistics of personality factors in substitutional family groups

Факторы («Пятифакторный опросник») и форма семейного устройства / Factors ("Five-factor questionnaire") and form of family arrangement		N	Среднее / Mean	Стандартное отклонение / Standard deviation	Стандартная ошибка / Standard error	95% доверительный интервал для среднего значения / 95% confidence interval for the mean		X _{min}	X _{max}
						Нижняя граница / Lower bound	Верхняя граница / Upper bound		
Нейротизм / Neuroticism	Усыновители / Adoption	15	9,40	2,923	0,755	7,78	11,02	4	13
	Опекуны / Guardianship	15	7,87	2,446	0,631	6,51	9,22	5	13
	Приемные родители / Adoptive family	15	9,60	2,530	0,653	8,20	11,00	5	14
	Всего / Total	45	8,96	2,696	0,402	8,15	9,77	4	14
Экстраверсия / Extraversion	Усыновители / Adoption	15	10,20	3,028	0,782	8,52	11,88	7	15
	Опекуны / Guardianship	15	7,87	2,748	0,710	6,34	9,39	1	13
	Приемные родители / Adoptive family	15	9,73	2,576	0,665	8,31	11,16	5	15
	Всего / Total	45	9,27	2,911	0,434	8,39	10,14	1	15
Открытость опыту / Openness to experience	Усыновители / Adoption	15	9,33	2,160	0,558	8,14	10,53	6	12
	Опекуны / Guardianship	15	8,73	2,404	0,621	7,40	10,06	5	13
	Приемные родители / Adoptive family	15	11,27	2,520	0,651	9,87	12,66	6	15
	Всего / Total	45	9,78	2,557	0,381	9,01	10,55	5	15
Доброжелательность / Agreeableness	Усыновители / Adoption	15	11,00	2,330	0,602	9,71	12,29	7	14
	Опекуны / Guardianship	15	9,87	1,407	0,363	9,09	10,65	8	12
	Приемные родители / Adoptive family	15	9,87	2,800	0,723	8,32	11,42	5	15
	Всего / Total	45	10,24	2,268	0,338	9,56	10,93	5	15

Суюндукова Т.Д. (2025)
 Специфика социально-психологического портрета
 кандидатов в замещающие родители при различных
 формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
 Specificity of the socio-psychological portrait
 of candidates for substitute parents in various
 forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

Добросовестность / Conscientiousness	Усыновители / Adoption	15	9,47	2,200	0,568	8,25	10,68	7	14
	Опекуны / Guardianship	15	9,87	2,066	0,533	8,72	11,01	5	13
	Приемные родители / Adoptive family	15	9,73	2,631	0,679	8,28	11,19	4	15
	Всего / Total	45	9,69	2,265	0,338	9,01	10,37	4	15

Наибольшие различия наблюдаются по шкале открытости опыту: приемные родители демонстрируют более высокие показатели ($M = 11,27$, $SD = 2,520$) по сравнению с опекунами ($M = 8,73$, $SD = 2,404$) и усыновителями ($M = 9,33$, $SD = 2,160$).

Однофакторный дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия между группами по фактору открытости опыту ($F(2,42) = 4,694$, $p = 0,015$). Приемные родители демонстрируют более высокие показатели ($M = 11,27$, $SD = 2,520$) по сравнению с опекунами ($M = 8,73$, $SD = 2,404$) и усыновителями ($M = 9,33$, $SD = 2,160$). По-видимому, это связано с необходимостью проявления гибкости и профессионального подхода к воспитанию детей с особыми возможностями здоровья.

По факторам «Пятифакторного опросника» (нейротизм, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность) значимых различий между группами замещающих родителей не обнаружено ($p > 0,05$).

Результаты тестирования группы кандидатов в *усыновители* показали, что по среднему уровню преобладают такие факторы личности, как скромность (75%), тревожность (72%), альтруизм (66,6%), сотрудничество (67%), сочувствие (67%), целеустремленность (60%), организованность (60%).

Высокие показатели кандидатов в *усыновители* были отмечены по факторам личности: доверие (46%), доброжелательность (40%), настойчивость (34%). Это может свидетельствовать о том, что большинство кандидатов честны в своих намерениях, имеют хорошие, положительные намерения, способны брать ответственность на себя, проявлять активность и в то же время — меньшую озабоченность потребностями других людей, чем своими собственными.

Результаты группы кандидатов, желающих оформить *приемную семью*, показали, что по среднему уровню преобладают сразу несколько факторов личности, такие как: неумеренность (73%), сотрудничество (67%), целеустремленность (60%). Неумеренные люди чувствуют сильные стремления и желания, которым им трудно противостоять. Они, как правило, ориентированы на краткосрочные удовольствия и вознаграждения, а не на долгосрочные результаты. Кандидаты, набравшие большие результаты по среднему баллу, не любят конфронтации. Они вполне готовы идти на компромисс или отказываться от своих собственных потребностей, чтобы ладить с другими, стремятся достичь совершенства.

Результаты группы кандидатов в *опекуны* показали, что по среднему уровню преобладают такие факторы личности, как: самооффективность (67%), интеллект (53%), либерализм (47%), осторожность (33%). Зафиксированные факторы личности свидетельствуют о том, что люди склонны обдумывать варианты и пути решения проблемы, прежде чем действовать, имеют здравый смысл, достаточный самоконтроль, необходимые для достижения успеха, открыты

Суяндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

новым и необычным идеям, мыслям, также кандидаты в опекуны наиболее мотивированы и более опытни в вопросах общения и воспитания, так как в большинстве случаев опеку(попечительство) оформляют над детьми, которые имеют родственные связи.

Кандидаты, набравшие высокие баллы по «Пятифакторному опроснику», упорно стремятся достичь совершенства. Их стремление быть признанными успешными держит их на пути к своим высоким целям. Они часто имеют сильное чувство направления в жизни, могут быть слишком целеустремленными и одержимыми своей работой. Считают, что делать что-то для других — это форма самореализации, а не самопожертвования.

Тревожность и страхи

Несмотря на имеющийся опыт кандидатов трех основных форм устройства (усыновление/удочерение, приемная семья, опека/попечительство), большинство испытывают множество страхов и сомнений по вопросу принятия в свою семью на воспитание ребенка-сироты. В целом более трети кандидатов обеспокоены психологическими проблемами, связанными с характером ребенка, и проблемами в учебной деятельности.

Усыновители продемонстрировали самую высокую долю тревоги. Они чаще других волновались из-за слабого иммунитета ребенка (53%), выражали опасения по поводу его здоровья в связи с наследственными факторами (37%) и психическими нарушениями (26%), а также склонности к отклоняющемуся поведению (19%).

Приемных родителей больше всего волновали возможные психологические проблемы, связанные с особенностями характера (67%); проблемы в учебной деятельности (53%); различные задержки психического развития (33%); склонность к отклоняющемуся поведению (27%).

Опекуны, особенно воспитывающие детей-родственников, в основном тревожились из-за особенностей характера ребенка и проблем в учебной деятельности, склонности к отклоняющемуся поведению (27%). Они чаще выражали опасения в собственной компетентности в вопросах воспитания ребенка (23%). Их также тревожили страхи, связанные со здоровьем ребенка: наследственные факторы (39%), психические нарушения (48%).

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтвердили основную гипотезу о том, что социально-психологический портрет кандидатов в замещающие родители имеет специфические особенности в зависимости от формы семейного устройства. Наиболее значимые различия были выявлены в мотивационной сфере и личностных характеристиках, что согласуется с данными предыдущих исследований (Ослон, 2006; Петрановская, 2019). В частности, усыновители продемонстрировали ориентацию на долгосрочные обязательства и безусловное принятие ребенка, что соответствует выводам Е.Б. Жуйковой и Т.Б. Панюшевой (Жуйкова, Панюшева, 2015) о важности родительской самореализации в усыновлении. Приемные родители, в свою очередь, показали более высокий уровень открытости опыту, что можно объяснить их профессиональной направленностью и необходимостью адаптироваться к сложным ситуациям, связанным с воспитанием детей с травматическим прошлым (Махнач и др., 2015).

Интересно, что опекуны, особенно родственники, чаще руководствовались мотивацией разрешения семейного кризиса, что согласуется с исследованиями Т.З. Козловой (Козлова,

Суюндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

2012), отмечающей высокую долю вынужденных решений в этой группе. Однако, в отличие от данных В.Н. Ослон (Ослон, 2006), не было обнаружено значимых различий по уровню нейротизма и добросовестности между группами. Это может быть связано с ограничениями выборки.

Полученные результаты также коррелируют с международными исследованиями. Например, высокая открытость опыту у приемных родителей соответствует выводам К. Malm и К. Welti (Malm, Welti, 2010), которые связывают этот фактор с успешной адаптацией к профессиональным требованиям. В то же время отсутствие значимых различий по экстраверсии и доброжелательности противоречит данным М.Н. Bornstein и D.L. Putnick (Bornstein, Putnick, 2020), что требует дальнейшего изучения с учетом культурных и социальных особенностей российских замещающих семей.

Важным аспектом обсуждения является тревожность кандидатов. Страхи усыновителей, связанные со здоровьем ребенка, отражают их стремление к «идеальному» родительству, что может повышать риск нереалистичных ожиданий. У приемных родителей тревога концентрировалась вокруг поведенческих и учебных трудностей, что подчеркивает необходимость углубленной подготовки в этих вопросах. Для опекунов-родственников ключевым стрессором оказалась неуверенность в собственных воспитательных ресурсах, что согласуется с выводами М.Р. Арпентьевой (Арпентьева, Рожкова, 2016) о важности психологической поддержки для этой категории.

Таким образом, результаты исследования не только подтверждают выдвинутые гипотезы, но и вносят уточнения в существующие представления о социально-психологических профилях замещающих родителей. Полученные данные подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к отбору и подготовке кандидатов, учитывающего как форму семейного устройства, так и индивидуальные особенности мотивации и личности. Это может способствовать снижению числа вторичных отказов и повышению эффективности системы семейного устройства в целом.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на изучение социально-психологического портрета кандидатов в замещающие родители при различных формах семейного устройства детей-сирот. Исследование подтвердило, что каждая форма семейного устройства предъявляет уникальные требования к кандидатам.

Наиболее значимые различия выявлены в мотивационной сфере: усыновители демонстрировали ориентацию на долгосрочное принятие ребенка (мотив «самоценности ребенка» — 26,6%), приемные родители чаще руководствовались альтруистическими (20%) и профессиональными мотивами (19%), тогда как опекуны, особенно родственники, проявляли мотивацию разрешения семейного кризиса (11,7%).

В личностной сфере установлено, что приемные родители обладают статистически значимо более высоким уровнем открытости опыту ($p < 0,05$) по сравнению с другими группами, что объясняется необходимостью профессиональной гибкости при работе с детьми, имеющими травматический опыт. Приемная семья предполагает профессиональный подход к воспитанию детей с травматическим опытом и чаще ориентирована на альтруистическую мотивацию (20%).

Суяндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

Усыновители демонстрируют высокие показатели целеустремленности (60%) и добросовестности (58%).

Опека/попечительство, часто оформляемая родственниками, сопровождается специфическими трудностями, такими как конфликт лояльности у ребенка. Опекуны чаще руководствуются мотивацией разрешения семейного кризиса (11,7%).

Полученные результаты имеют практическое значение для подготовки кандидатов в замещающие родители. Выявленные особенности позволяют разработать дифференцированные программы сопровождения: для усыновителей акцент следует делать на коррекцию нереалистичных ожиданий, для приемных родителей — на развитие навыков работы с травмой, а для опекунов — на психологическую поддержку в преодолении «конфликта лояльности».

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки и включением лонгитюдного компонента для оценки долгосрочных эффектов адаптации детей в различных типах замещающих семей. Особый интерес представляет изучение роли посттравматического роста кандидатов и разработка инновационных методов психологического сопровождения на основе выявленных социально-психологических профилей. Полученные данные могут быть использованы не только в психолого-педагогической практике, но и при формировании социальной политики, направленной на снижение числа вторичных отказов и создание благоприятных условий для развития детей в замещающих семьях. Таким образом, исследование вносит определенный вклад в системное понимание специфики замещающего родительства и предлагает научно обоснованные подходы к совершенствованию существующей системы семейного устройства детей-сирот.

Ограничения. Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Основным ограничением является относительно небольшой размер выборки ($N = 45$), что снижает статистическую мощность анализа и затрудняет обобщение полученных данных на всю популяцию кандидатов в замещающие родители. Кроме того, исследование проводилось только в одном регионе (Республика Башкортостан), что ограничивает возможность экстраполяции результатов на другие географические и культурные контексты.

Limitations. The present study has several methodological limitations that should be considered when interpreting the results. The main limitation is the relatively small sample size ($N = 45$), which reduces the statistical power of the analysis and makes it difficult to generalize the obtained data to the entire population of candidates for foster parenting. Furthermore, the study was conducted in only one region (Republic of Bashkortostan), which limits the ability to extrapolate the results to other geographical and cultural contexts.

Список источников / References

1. Арпентьева, М.Р., Рожкова, Н.Г. (2016). *Жизненные перспективы замещающих семей: изучение, особенности, социальная поддержка*. Калуга: КГУ.
Arpent'eva, M.R., Rozhkova, N.G. (2016). *Life prospects of substitute families: study, features, social support*. Kaluga: Kaluga State University Publ. (In Russ.).
2. Жуйкова, Е.Б., Панюшева, Т.Д. (2015). Понятие профессиональности позиции принимающего родителя. *Консультативная психология и психотерапия*, 23(4), 83—101.

Суюндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

<https://doi.org/10.17759/cpp.2015230406>

Zhuykova, E.B., Panyusheva, T.D. (2015). On the issue of professional foster parents position. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 23(4), 83—101. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/cpp.2015230406>

3. Козлова, Т.З. (2012). Мотивация приема детей-сирот в замещающую (опекунскую) семью. *Социологический журнал*, 2, 115—126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17874591> (дата обращения: 08.08.2025).
Kozlova, T.Z. (2012). Motivation for adoption of orphans into a guardian family. *Sociological Journal*, 2, 115—126. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17874591> (viewed: 08.08.2025).
4. Курдалина, И.А., Ослон, В.Н. (2024). Специфика родительской идентичности замещающих матерей. *Социальные науки и детство*, 5(1), 26—36.
<https://doi.org/10.17759/ssc.2024050102>
Kurdalina, I.A., Oslon, V.N. (2024). Specifics of Parental Identity of Substitute Mothers. *Social Sciences and Childhood*, 5(1), 26—36. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050102>
5. Махнач, А.В., Прихожан, А.М., Толстых, Н.Н. (Ред.). (2015). *Проблема сиротства в современной России: психологический аспект*. М.: Издательство «Институт психологии РАН».
Makhnach, A.V., Prikhozhan, A.M., Tolstykh, N.N. (Eds.). (2015). *The problem of orphanhood in modern Russia: a psychological aspect*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
6. Мерлин, В.С. (1996). *Психология индивидуальности*. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
Merlin, V.S. (1996). *Psychology of individuality*. Moscow: Institute of Practical Psychology Publ.; Voronezh: NPO MODEK Publ. (In Russ.).
7. Мухамедрахимов, Р.Ж., Туманьян, К.Г., Черного, Д.И., Асламазова, Л.А. (2020). Привязанность у детей с опытом институционализации. Часть II. Особенности привязанности у детей, проживающих в замещающих семьях. *Психологический журнал*, 41(6), 48—56. <https://doi.org/10.31857/S020595920012586-0>
Muhamedrahimov, R.J., Tumanian, K.G., Chernego, D.I., Aslamazova, L.A. (2020). Attachment in children with experience of institutionalization. Part II. Living in substitute families. *Psychological Journal*, 41(6), 48—56. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920012586-0>
8. Ослон, В.Н. (2006). *Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья*. М.: Генезис. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27255994> (дата обращения: 08.08.2025).
Oslon, V.N. (2006). *The lifestyle of orphaned children: a professional substitute family*. Moscow: Genesis Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27255994> (viewed: 08.08.2025).
9. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Зинченко, Е.А. (2021а). Инвариантные и варианты социально-психологические характеристики успешных замещающих матерей. *Психологическая наука и образование*, 26(6), 149—163.
<https://doi.org/10.17759/pse.2021260612>
Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Zinchenko, E.A. (2021a). Invariant and Variant

Суюндукова Т.Д. (2025)
 Специфика социально-психологического портрета
 кандидатов в замещающие родители при различных
 формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
 Specificity of the socio-psychological portrait
 of candidates for substitute parents in various
 forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

- Sociopsychological Characteristics of Successful Foster Mothers. *Psychological Science and Education*, 26(6), 149—163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2021260612>
10. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Колесникова, У.В. (2021б). Структура методики «Мотивация приема ребенка-сироты в замещающую семью». *Психолого-педагогические исследования*, 13(4), 3—21. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130401>
 Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Kolesnikova, U.V. (2021b). The Structure of the Methodology "Motivation for the Adoption of an Orphan Child by a Foster Family". *Psychological-Educational Studies*, 13(4), 3—21. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130401>
 11. Ослон, В.Н., Одинцова, М.А., Семья, Г.В., Колесникова, У.В. (2024). Мотивация приема на воспитание детей-сирот трудноустранимых категорий в контексте различных форм семейного устройства, включая усыновление. *Психологическая наука и образование*, 29(6), 81—98. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290606>
 Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Semya, G.V., Kolesnikova, U.V. (2024). Motivation for the Admission of Orphans of Employable Categories in the Context of Various Forms of Family Structure. *Psychological Science and Education*, 29(6), 81—98. <https://doi.org/10.17759/pse.2024290606>
 12. Петрановская, Л.В. (2019). *Тайная опора: привязанность в жизни ребенка*. М.: АСТ.
 Petranovskaya, L.V. (2019). *Secret support: attachment in a child's life*. Moscow: AST Publ. (In Russ.).
 13. Прихожан, А.М. (2018). *Психология сиротства*. СПб: Питер.
 Prikhozhan, A.M. (2018). *Psychology of orphanhood*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
 14. Семья, Г.В., Тарасова, А.Е., Волчанская, В.О. (2024). Развитие института усыновления: правовое регулирование и социально-психологические аспекты. *Социальные науки и детство*, 5(4), 23—43. <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050402>
 Semya, G.V., Tarasova, A.E., Volchanskaya, V.O. (2024). Development of the Institution of Adoption: Legal Regulation and Socio-Psychological Aspects. *Social Sciences and Childhood*, 5(4), 23—43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050402>
 15. Семья, Г.В., Телицына, А.Ю., Лашкул, М.В. (2024). Адаптация к новой реальности: обзор международных исследований специфики развития детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях и при усыновлении. *Социальные науки и детство*, 5(4), 65—85. <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050404>
 Semya, G.V., Telitsyna, A.Yu., Lashkul, M.V. (2024). Adapting to a New Reality: A Review of International Studies on the Developmental Specificities of Children Deprived of Parental Care in Substitute Families and Through Adoption. *Social Sciences and Childhood*, 5(4), 65—85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2024050404>
 16. Хромов, А.Б. (2000). *Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие*. Курган: Изд-во Курганского гос. университета.
 Khromov, A.B. (2000). *The five-factor personality questionnaire: An educational and methodological guide*. Kurgan: Kurgan State University Publishing House. (In Russ.).
 17. Bornstein, M.H., Putnick, D.L. (2020). Personality and Parenting in Adoptive Families. *Journal of Family Psychology*, 34(3), 271—281. <https://doi.org/10.1037/fam0000603>
 18. Malm, K., Welti, K. (2010). Exploring Motivations to Adopt. *Adoption Quarterly*, 13(3-4), 185—208. <https://doi.org/10.1080/10926755.2010.524872>

Суюндукова Т.Д. (2025)
Специфика социально-психологического портрета
кандидатов в замещающие родители при различных
формах семейного устройства детей-сирот
Социальные науки и детство, 6(2), 71—83.

Suyundukova T.D. (2025)
Specificity of the socio-psychological portrait
of candidates for substitute parents in various
forms of family placement of orphans
Social Sciences and Childhood, 6(2), 71—83.

19. Holen, F. van, Geysb, L., Westb, D., Gypenb, L., Vanderfaeillieb, J. (2019). Characteristics of successful foster families according to Flemish foster care workers. *Children and Youth Services Review*, 107, Article 104519. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104519>

Информация об авторах

Танслу Даниловна Суюндукова, директор, Республиканский центр семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ГБУ РЦСУ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5083-6199>, e-mail: tansulpan.82@mail.ru

Information about the authors

Tanslu D. Suyundukova, Director, Republican Center for Family Placement of Orphans and Children Left without Parental Care, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5083-6199>, e-mail: tansulpan.82@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось в строгом соответствии с этическими стандартами, изложенными в Декларации Хельсинки (1964 год) и национальных нормативных актах.

Ethics statement

The research was conducted in strict accordance with ethical standards outlined in the Helsinki Declaration (1964) and national regulatory acts.

Поступила в редакцию 18.06.2025
Поступила после рецензирования 21.08.2025
Принята к публикации 21.08.2025
Опубликована 29.08.2025

Received 2025.06.18
Revised 2025.08.21
Accepted 2025.08.21
Published 2025.08.29

Социальные науки и детство

Издательство ФГБОУ ВО МГППУ

Редакция:

127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29. Офис 209

Тел. (495) 632-99-75; факс (495) 632-92-52

Редакционно-издательский отдел:

123290, Россия, Москва. Шелепихинская набережная., д. 2а

Офис 409. Тел. (499) 244-07-06 доб. 223

Редактор, корректор — Буторина А.А.

Компьютерная верстка — Каганер А.Г.

Секретарь — Колесникова У.В.

Social Sciences and Childhood

Publishing House MSUPE

Editor Office: Sretenka str., 29, Moscow, Russia, 127051, Off. 209

Printing Office: Shelepikhinskaya emb., 2A, Moscow, Russia, 123290 Off. 409

Editor and proofreader — Butorina A.

DTP — Kaganer A.

Executive secretary — Kolesnikova U.